РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 46 13-го Ноября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА": МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к | Безъ достав и въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

УСЛЫХАВЪ эти слова, Маничка почувствовала, что борьба не по ея силамъ и что она не въ состояніи владѣть собой.

Сколько разъ, съ самаго дѣтства, думала она о своей матери и, мечтала о ней и представляла ее себѣ. Отца она боялась, страшилась; онъ почти всегда являлся грубымъ и пьянымъ и всѣ разговоры съ нимъ кончались тѣмъ, что она отдавала ему свои деньги. Спросить у него о матери она никогда не осмѣливалась—и вдругъ... онъ самъ говоритъ ей о матери и обѣщаетъ отвести къ ней!

Маничка встала съ постели, голова ея кружилась, предъ глазами какъ-будто туманъ застлалъ все...

Она сдѣлала шагъ по направленію къ двери и остановилась... Она вспомнила запретъ дяди Андрея: ни подъ какимъ видомъ не отпирать двери, въ особенности, если придетъ Корецкій.

„Нѣтъ, не отопру!"—спохватилась она и снова вернулась на постель.

— Да чего ты боишься? смѣшная, право! — настаивалъ, между тѣмъ, Корецкій за дверью, — вѣдь, я — отецъ тебѣ и зла не сдѣлаю. Вѣдь, я даже не пьянъ сегодня, ты по голосу слышать можешь... Маня, отопри, пусти меня! Ну, если я виноватъ былъ предъ тобою, прости меня... Если не пустишь, я пропаду, Маня, совсѣмъ пропаду! Такія дѣла, что, можетъ, ты меня спасти можешь... т. е., твоя мать спасти меня можетъ... Пойдемъ къ ней, попроси ее за отца... Она, вѣдь, тутъ, въ

СРЕДИ ЦВѢТОВЪ. Съ картины **Стефано Ново.**

этомъ городѣ, она близко... А пропаду я—на твоей душѣ грѣхъ будетъ...

Корецкій говорилъ слезливо и жалобно и говорилъ такія слова, которыхъ Маничка никогда не слыхала отъ него.

Въ самомъ дѣлѣ, если онъ хочетъ раскаяться! Можетъ быть, дядя Андрей самъ велѣлъ-бы впустить его, если-бъ зналъ это. А не впуститъ она отца — онъ совсѣмъ отчается и пропадетъ навсегда, погибнетъ... и она погубитъ его, она!.. Потомъ она всю жизнь будетъ вспоминать вотъ эти минуты, когда онъ просился къ ней, хотѣлъ раскаяться, измѣниться, а она не пустила его къ себѣ...

Нѣтъ, положительно, дядя Андрей не зналъ, когда запрещалъ ей и бралъ съ нея слово. Она должна отпереть!

Маничка подошла къ двери и взялась за ключъ...

XXVI.

Корецкому нужно было, чтобъ только Маничка впустила его къ себѣ—дальнѣйшій планъ дѣйствій готовъ былъ у него, а этотъ планъ въ случаѣ удачи могъ, дѣйствительно, „спасти его“, т. е., дать возможность немедленно уѣхать изъ города такъ далеко, какъ онъ хотѣлъ, и уѣхать не съ пустыми руками, а съ деньгами.

Когда, послѣ встрѣчи съ Ершомъ, Корецкій вошелъ съ нимъ въ подвалъ, ихъ встрѣтилъ тамъ маленькаго роста рыжій человѣчекъ съ подвязанной щекой.

— Ну, вотъ тебѣ гусь, по прозванію Стрюцкій,— отрекомендовалъ Ершъ Корецкаго, — а его Пыжомъ у насъ зовутъ,—показалъ онъ ему на рыжаго человѣчка и добавилъ:—а до прочихъ прозваній его тебѣ дѣла нѣтъ.

Пыжъ пытливо оглядѣлъ Корецкаго, ничего не сказалъ, отошелъ въ уголъ и молча сѣлъ на лавку...

Самый подвалъ и оказанный ему тутъ пріемъ понравились Корецкому по первому взгляду. Ничего не внушало недовѣрія, напротивъ, по всему было видно, что онъ имѣлъ дѣло съ людьми бывалыми, солидными, такими, что сами были не трусы, значитъ, и ихъ трусить было нечего.

— Слышь, Пыжъ,—обратился къ Пыжу Ершъ,— мы насчетъ опрокиндоса прошлись, а теперь глотку заткнуть подобаетъ... Алименты найдутся?

Пыжъ опять ничего не отвѣтилъ, даже глазомъ не повелъ, но всталъ и полѣзъ подъ печку.

Подвалъ былъ не особенно великъ, но помѣстительный, въ два окна, продѣланныя въ самомъ сводѣ, достаточно высоко. Выходили-же они на задній дворъ внизу стѣны въ ямки въ землѣ, какъ это видѣлъ Корецкій.

Часть помѣщенія занимала большая печь. У стѣны съ окнами стоялъ столъ, почернѣвшій отъ времени и, вѣроятно, отъ накопившейся на немъ грязи. У стола были двѣ лавки и табуретка. Дальше, къ печкѣ, топчанъ съ грудою тряпья, замѣнявшаго, очевидно, матрасъ и подушки... Возлѣ двери стоялъ покосившійся, но прочный и крѣпкій шкафъ. Въ немъ былъ вдѣланъ замокъ, запиравшійся на ключъ. Полъ былъ каменный.

Входная дверь находилась противъ оконъ, рядомъ съ печкою. По другой стѣнѣ была другая дверь, вѣроятно, въ сосѣднее помѣщеніе.

Жилъ-ли еще кто-нибудь въ этомъ сосѣднемъ помѣщеніи или вообще въ остальныхъ отдѣленіяхъ подвала, если они существовали,—Корецкій разглядѣть не успѣлъ, да и не могъ, потому что въ проходѣ отъ наружной двери со двора было совсѣмъ темно, въ особенности послѣ яркаго дневного свѣта, съ котораго онъ попалъ туда. Онъ замѣтилъ лишь одно: что тамъ были навалены какія-то доски да кадушки. Корецкій наткнулся на нихъ.

Пыжъ досталъ изъ-подъ печки кулекъ и началъ вынимать изъ него такія вещи, увидѣть которыя никакъ ужъ не ожидалъ Корецкій въ подвалѣ.

Прежде всего появилась цѣльная колбаса, такая аппетитная на видъ, что только за окномъ лучшаго гастрономическаго магазина висѣть ей; затѣмъ—ветчина, сочная, жирная, нарѣзанная тонкими кусками, потомъ—большой кусокъ сыра, коробка сардинокъ, рыба копченая, даже икра, ростбифъ кусками. Въ кулькѣ оказались даже бѣлыя французскія булки.

У Корецкаго слюнки потекли.

— Эхъ, кабы водочки при этомъ!—вырвалось у него.

Въ отвѣтъ на его восклицаніе, Пыжъ опять нагнулся къ печкѣ и досталъ бутылку, но не водки, а дорогого коньяка съ французской этикеткой.

— Не видали мы твоей водки! — презрительно проговорилъ Ершъ и сплюнулъ въ сторону. — Мы, братъ, ѣдимъ не какъ-нибудь, а тоже понимаемъ...

— Да откуда-же это все? — воскликнулъ умиленный и пораженный Корецкій.

— Изъ лавки, должно быть. Ты думаешь, что тамъ одни только графы покупаютъ? Нѣтъ, и на нашъ паекъ хватитъ!..

Ершу, видимо, доставило большое удовольствіе удивленіе Корецкаго.

Пыжъ остался вполнѣ равнодушенъ и безмолвно сталъ откупоривать бутылку ножомъ, который досталъ изъ-за голенища.

Этотъ ножъ былъ почтенный. Лезвее его было остро, какъ бритва, но сточено въ очень узкую полоску и глубоко вставлено въ самодѣльный, обернутый въ грязную тряпку черенокъ...

Откупоривъ бутылку, Пыжъ досталъ стаканчикъ изъ ящика стола, налилъ коньяка, выпилъ, поставилъ стаканъ и бутылку на столъ и принялся открывать своимъ ножомъ сардинки.

То, какъ онъ держалъ себя, невольно внушало Корецкому уваженіе, несмотря на маленькій ростъ Пыжа и невзрачную наружность съ подвязанной щекой...

За бутылку взялся Ершъ, тоже наполнилъ стаканъ и передалъ его Корецкому, сказавъ:

— Пей, Стрюцкій, авось веселѣе станешь!.. Вотъ какъ у насъ...

Корецкій припалъ къ стакану и съ наслажденіемъ потянулъ крѣпкую, жгучую влагу. Онъ никогда не пилъ такого коньяка...

XXVII.

Они стали ѣсть.

Въ особенности Корецкій, дорвавшись до „сладкаго“, какъ называлъ Ершъ разложенныя на столѣ закуски, пожиралъ ихъ съ жадностью. Онъ уже не спрашивалъ и не допытывалъ, откуда явились всѣ эти вкусныя вещи, а считался, такъ сказать, съ совершившимся фактомъ и набивалъ полный ротъ.

Поѣвъ, Ершъ ушелъ, сказавъ на прощанье Пыжу:

— Ты побереги гуся-то, за нимъ слѣдъ есть, такъ ему хорониться надо...

Корецкій остался у Пыжа.

Отношенія у нихъ сразу установились, повидимому, самыя удобныя для того и другого. Пыжъ ничѣмъ не стѣснялъ Корецкаго, предоставляя ему полную свободу. Въ подвалъ къ нимъ никто не заглядывалъ. Не было рѣчи, разумѣется, ни о прописке или о какихъ-нибудь формальностяхъ.

На ночь Пыжъ ушелъ и пропадалъ неизвѣстно гдѣ. На утро онъ вернулся опять съ кулькомъ, гдѣ былъ новый запасъ провизіи.

Корецкій попробовалъ уйти—Пыжъ не только не удержалъ его, но даже не спросилъ, куда онъ направляется.

Когда Корецкій, побродивъ по берегу рѣки, вернулся, Пыжъ и къ этому остался совершенно равнодушенъ.

Навѣдывался Ершъ.

Онъ, между прочимъ, напомнилъ Корецкому, чтобъ тотъ былъ осторожнѣе, потому что у него, Ерша, въ полиціи „глазъ“ есть и этотъ глазъ сообщилъ-де ему, что Галактіона Корецкаго ищутъ...

Такъ прошло нѣсколько дней.

Корецкій чувствовалъ себя до нѣкоторой степени въ безопасности въ подвалѣ подъ кровомъ у Пыжа. Никто его не безпокоилъ до сихъ поръ и не было признаковъ, что побезпокоятъ въ будущемъ. Сообщеніе подвала съ внѣшнимъ міромъ происходило черезъ пустырь и огородъ.

Ѣлъ Корецкій не только сытно, но и сладко. Выпить тоже всегда было что.

Но, несмотря на все это, Корецкій все время находился въ странномъ, необъяснимомъ смятеніи.

Съ тѣхъ поръ, какъ другіе, совсѣмъ посторонніе люди, т. е., Ершъ и Пыжъ, узнали о его, Корецкаго, дѣлѣ, т. е., о „пріобрѣтенной имъ рукѣ“, какъ они называли это, онъ словно сбился и не зналъ, какъ удержаться.

Прежде ему было трудно совладать съ собою, но все-таки онъ чувствовалъ если не твердую почву подъ собой, то, по крайней мѣрѣ, хоть какую-нибудь опору.

Эта опора была ненадежная, все равно, что тоненькая жердь черезъ пропасть, но онъ нравственно балансировалъ на этой жерди; теперь-же онъ точно потерялъ равновѣсіе и готовъ былъ свалиться въ пропасть.

И не то, чтобы онъ боялся Пыжа съ Ершомъ. Напротивъ, они внушали ему полное довѣріе, хотя онъ ничего и не зналъ про нихъ или во всякомъ случаѣ очень мало. Они-же знали про него.

Кромѣ того, Корецкаго искали, ему приходилось скрываться.

Однако, ему казалось, что именно это обстоятельство не причиняло ему никакой досады. Оно даже было какъ-будто весело. Онъ испытывалъ совершенно такое-же щекочущее чувство въ груди, какъ въ дѣтствѣ, когда игралъ въ прятки. Это было скорѣе пріятно.

Но его мучила неизвѣстность.

Если-бъ ему нужно было дѣйствовать, ухищряться, напрягать мозги для собственнаго спасенія, избѣгать непосредственной опасности—ему было-бы легче. А то такъ жить изо дня въ день на всемъ готовомъ и сравнительно въ покоѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не знать, что завтра будетъ и что потребуютъ отъ него эти люди, съ которыми связала его судьба,—это онъ не могъ вынести.

Минутами онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе пойти въ участокъ и повиниться тамъ, разсказать все, но исключительно ради того, чтобъ посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ?

Онъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ представлялъ себѣ, какія тамъ всѣ скорчатъ лица, когда онъ придетъ и скажетъ, что Ромуальдъ-Костровскій не виноватъ ни въ чемъ, а что все сдѣлалъ онъ, Галактіонъ Корецкій!..

И все тогда будетъ кончено разомъ!

По внѣшности—хотя онъ не замѣчалъ этого—онъ тоже измѣнился. Прежняя его пошлость, въ особенности послѣ выпивки, сбѣжала съ него. Онъ сталъ трусить, вздрагивалъ при малѣйшемъ случайномъ стукѣ, по ночамъ спалъ плохо, вскакивалъ и вглядывался въ темноту. Ему чудилось, что въ этой темнотѣ рѣка плещетъ...

Къ водкѣ и даже коньяку его перестало тянуть. Онъ и хотѣлъ-бы напиться, какъ прежде, до безчувствія, до самозабвенія, но страшился, самъ не зная почему. Ему казалось страшно. И страхъ былъ настолько великъ, что вино претило.

Всѣ его помыслы и всѣ его желанія все болѣе и болѣе сосредоточивались на одномъ: поскорѣе такъ или иначе выяснить что-нибудь опредѣленное, кончить...

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, его влекло въ тѣ мѣста, гдѣ для него грозила опасность, но гдѣ онъ могъ узнать тѣ или другія новости относительно хода тропининскаго дѣла.

Можетъ быть, Ромуальда-Костровскаго уже выпустили, убѣдившись какъ-нибудь въ его невиновности, хотя онъ и сознался... Вѣдь, документъ, вексель, въ рукахъ полиціи... Можетъ быть, ихъ будутъ обвинять вмѣстѣ съ Ромуальдъ-Костровскимъ!

Но, когда Корецкій мысленно натыкался на это опредѣленное „будутъ обвинять“, онъ содрогался всѣмъ тѣломъ и торопливо хотѣлъ найти выходъ.

Выходъ для него былъ и мерещился ему, какъ мелькавшій огонекъ вдали: его могла спасти панна Юзефа. Она могла дать ему денегъ.

Корецкій не пытался еще обратиться къ ней, потому что раньше, по весьма понятнымъ причинамъ, избѣгалъ дома Тропинина. Но теперь его, именно, влекло къ этому дому.

Теперь, когда, благодаря перехваченному у него векселю, подозрѣніе пало на него, идти въ тропининскій домъ и искать тамъ панну Юзефу для него было равносильно тому, что добровольно выдать себя... Но, можетъ быть, панна Юзефа, вспомнивъ старое, поможетъ ему? Онъ напомнитъ ей о дочери, которая тутъ теперь, въ одномъ съ ними городѣ!..

Въ день, когда разразилась гроза (надъ городомъ она была сильнѣе еще, чѣмъ надъ кладбищемъ), нервное состояніе Корецкаго дошло до послѣднихъ предѣловъ...

Онъ не выдержалъ и вечеромъ — будь, что будетъ! — отправился въ домъ Тропинина, къ паннѣ Юзефѣ.

XXVIII.

Панна Юзефа, вернувшись съ кладбища, прошла къ себѣ въ комнату и заперлась въ ней, зажегши восковыя свѣчи предъ иконами, которыми у нея былъ полонъ цѣлый кіотъ.

Она была не просто религіозна, но и суевѣрна.

Въ своемъ поступкѣ, совершенномъ ею семнадцать лѣтъ тому назадъ, она никогда не только не раскаивалась, но не считала его вовсе грѣхомъ.

Впрочемъ, на всякій случай, она была потомъ на исповѣди у ксендза и тотъ далъ ей отпущеніе и совѣтывалъ дѣлать добрыя дѣла благотворенія.

Панна Юзефа дѣлала эти дѣла, т. е., благотворила, подавая бѣднымъ гроши изъ тѣхъ денегъ, которыя получала отъ Тропинина.

Въ домѣ Валеріана Дмитріевича она изъ кормилицы сдѣлалась нянюшкой, изъ нянюшки—наперсницей и, наконецъ, благодаря своеволію не знавшей себѣ запрета Лизы, которой она потворствовала во всемъ, стала на положеніе управительницы.

Панна Юзефа тратила деньги безконтрольно, по-

сылая свои счета въ тропининскую контору, каталась въ экипажахъ, садилась за общій столъ обѣдать, причемъ разливала супъ, заказывала себѣ, какія хотѣла, платья, выгоняла не нравившуюся ей прислугу, — словомъ, держала себя почти наравнѣ съ хозяиномъ.

Однако, предъ Тропининымъ она умѣла быть подобострастной, старалась угождать ему, изучила его привычки, и онъ видѣлъ въ ней испытаннаго друга и вѣрилъ въ ея, не разъ доказанную, преданность.

Панна Юзефа не считала своего поступка грѣхомъ потому, что видѣла въ немъ не нарушеніе общей, такъ сказать, справедливости, а лишь замѣну одного существа другимъ.

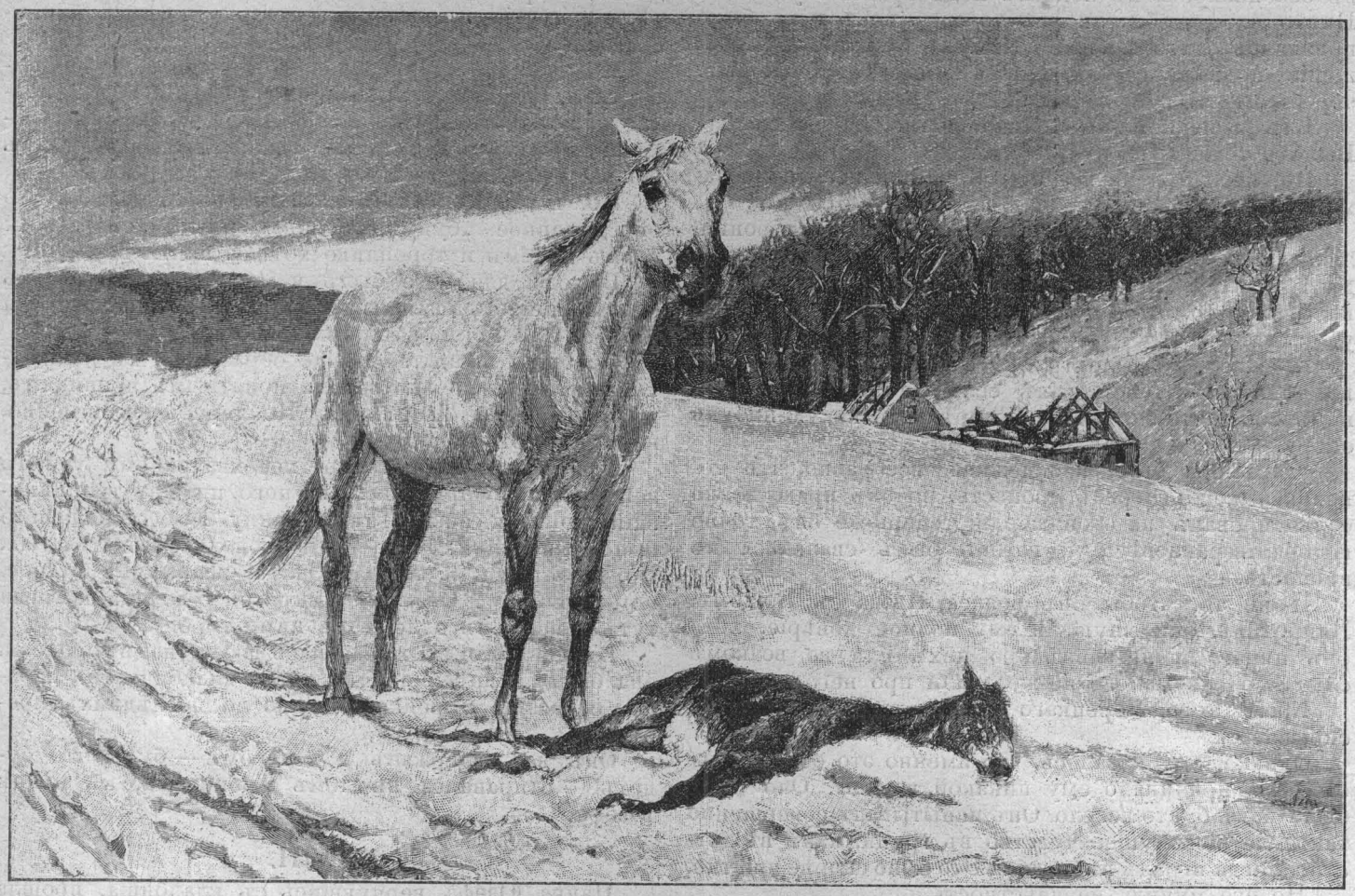
Положимъ, она обрекла истинную дочь Тропинина на нищету и бѣдствіе, обрекла безвинно, отнявъ у нея жизнь довольства и богатства, для которой она

Ея религіозность вполнѣ утѣшалась этимъ, но суевѣріе все-таки мучило ее. Она вѣрила, что мертвые входятъ въ сношенія съ живыми, и боялась мести со стороны умершей матери дѣвочки, которую она подмѣнила.

Въ чемъ можетъ выразиться эта месть — она не знала, но ждала, что мертвая будетъ приходить къ ней видѣніемъ, мучить ее, упрекать, нашлетъ на нее болѣзнь или и самое смерть... Она на все это была согласна, лишь-бы хорошо и вольготно жилось ея Лизѣ!..

Мертвая, однако, не приходила къ ней, не мучила ея, но вдругъ совершенно неожиданно, когда все, казалось, шло вполнѣ прекрасно, Лиза была звѣрски убита...

Это былъ страшный ударъ, поразившій панну



ВЪ ТРУДНУЮ ПОРУ. Съ картины **Г. Краузе.**

была рождена. Но, вѣдь, и ея малютка, ея собственная дочь была тоже ничѣмъ не виновата, а, между тѣмъ, нищета и бѣдствіе предназначались ей. За что? Чѣмъ она была хуже тропининской дочери?

Предъ ней, Юзефой, были тогда два ребенка. Одному изъ нихъ предстояло богатство, другому — бѣдность. Одинъ былъ ея собственный, другой — чужой. И отъ нея зависѣло сдѣлать такъ, чтобъ дать богатство тому, которому она захочетъ. Сдѣлать-же богатыми обоихъ она не могла. Ей приходилось выбирать. Она выбрала, разумѣется, своего.

О „правѣ“ она не думала. Ей казалось, что если дочь Тропинина, по законамъ, имѣла „право“ на богатство, то ея дочь, по ея материнскому чувству, не должна была имѣть „право“ на бѣдность!..

Такъ разсуждала панна Юзефа, входя въ сдѣлку со своею совѣстью и убаюкивая ее.

Юзефу, но у нея оставалось еще утѣшеніе, что все-таки дочь ея хоть семнадцать лѣтъ провела въ довольствѣ и что вмѣстѣ съ нею умерла и тайна ея происхожденія.

И вдругъ сегодня, на кладбищѣ, панна Юзефа увидѣла надъ могилой видѣніе, котораго боялась всю жизнь.

Она упала въ обморокъ.

Очнувшись она узнала, что то, что было на самомъ дѣлѣ, оказалось страшнѣе видѣнія.

Она должна была имѣть дѣло не съ мертвыми, а съ живыми, и въ данномъ случаѣ живые были для нея опаснѣе мертвыхъ.

Жена Валеріана Дмитріевича пришла-таки къ ней, но пришла не видѣніемъ, а въ образѣ своей живой дочери, похожей на нее до полнаго обмана зрѣнія...

У этой дочери былъ покровитель и защитникъ — какой-то актеръ, но онъ какъ-будто что-то зналъ уже. Это было видно по тому выраженію, съ которымъ онъ сказалъ, что его воспитанница—дочь Галактіона Корецкаго и добавилъ: „можетъ быть, изволили слышать?“. Онъ, конечно, не ограничится этимъ вопросомъ, онъ будетъ дѣйствовать, и тогда прежнее выступитъ наружу и ко всему горю прибавится еще ужасъ отвѣтственности.

Панна Юзефа отвѣтила этому актеру первое, что пришло ей тогда на языкъ, не думая, что говоритъ, отвѣтила почти инстинктивно, изъ чувства самосохраненія, что никакого Корецкаго не знаетъ, но теперь понимала, что ей нельзя сидѣть сложа руки и надо тоже дѣйствовать со своей стороны. Но весь вопросъ былъ въ томъ, какъ дѣйствовать.

— Пришелъ съ чернаго хода! — пояснилъ Власъ Михайловичъ,—требуетъ, чтобы непремѣнно сказали о немъ вамъ!

— А видъ у него?..

— Невзрачный.

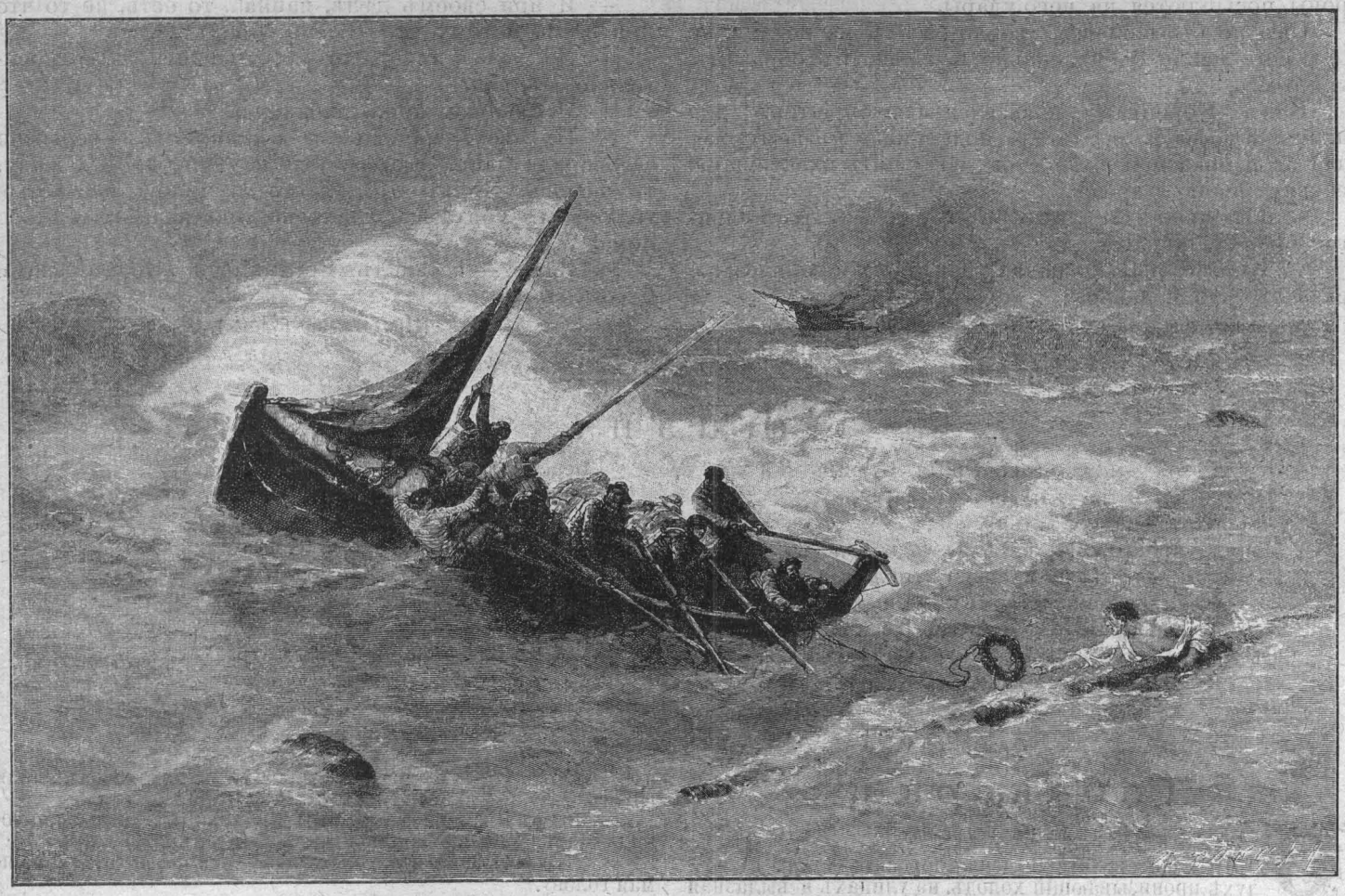
— Плохо одѣтъ?

— Оборванцемъ.

„Оборванцемъ!—стала соображать панна Юзефа,— значитъ, деньгами, и даже небольшими, можно повліять на него!“

Она была рада отдать теперь всѣ свои сбереженія, а сбереженія эти составляли довольно крупную сумму.

Къ тому-же вовсе не пустить Корецкаго къ себѣ было опасно: онъ могъ начать скандалъ, могъ кричать; его крикъ услыхали-бы тропининскіе люди,



СПАСЕНІЕ ПОГИБАЮЩИХЪ. Съ картины **А. Морлонъ.**

Что она могла сдѣлать?

Въ то время, когда она раздумывала объ этомъ, ей пришли сказать, что ее спрашиваетъ какой-то человѣкъ, который называетъ себя Галактіономъ Корецкимъ.

XXIX.

Сказать о Корецкомъ ей пришелъ самъ камердинеръ Валеріана Дмитріевича, Власъ Михайловичъ.

Въ первую минуту у панны Юзефы занялось дыханіе, она не могла перевести его, ей недоставало воздуха. Но все-таки у нея хватило силъ встать и отойти къ столу, чтобы отвернуться и не показать своего лица.

Приходилось сейчасъ дать отвѣтъ, но она не знала, что отвѣтить.

— Какой Корецкій?.. — наконецъ, проговорила она.

среди которыхъ у панны Юзефы было больше непріятелей, чѣмъ друзей, и однимъ изъ самыхъ главныхъ непріятелей былъ камердинеръ Власъ Михайловичъ, не любившій ея, несмотря на всѣ ея ухищренія, чтобы обойти его.

— Проведите его ко мнѣ, это — вѣроятно, какой-нибудь бѣдный! — сказала она.

Власъ Михайловичъ молча повернулся и ушелъ.

Когда вошелъ Корецкій, панна Юзефа, прежде чѣмъ оглядѣть его, подошла къ двери и какъ-бы машинально заперла ее на задвижку.

При взглядѣ на Корецкаго первое, что испытала она, было чувство гадливости и отвращенія. Она никакъ не ожидала, что увидитъ предъ собой въ такомъ отталкивающемъ видѣ человѣка, который когда-то былъ близокъ съ нею.

Корецкій не лгалъ, разсказывая Рощинину, что

носилъ когда-то клѣчатыя брюки и бархатный пиджакъ. Въ этихъ клѣтчатыхъ брюкахъ и бархатномъ пиджакѣ знала его панна Юзефа. Тогда онъ къ ней снисходилъ, теперь-же она была окружена недосягаемой для него роскошью, а онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, оборванецъ, какъ его назвалъ Власъ Михайловичъ. Теперь разница между ними была неизмѣримо большая, чѣмъ тогда, и по первому-же взгляду панна Юзефа убѣдилась, какая пропасть лежитъ между ними.

Черты лица Корецкаго сильно измѣнились, онъ обрюзгъ, полысѣлъ и посѣдѣлъ, но все-таки Юзефа узнала его.

Онъ боязливо оглянулся на замкнутую ею задвижку и, какъ затравленный звѣрь, сталъ озираться кругомъ, какъ-будто только ожидая, съ которой стороны посыплются на него удары.

Онъ не былъ пьянъ, твердо стоялъ на ногахъ, но отъ него пахло очень сильно и, главнымъ образомъ, спиртомъ.

Видъ Корецкаго показался благопріятенъ для панны Юзефы и она смѣло подступила къ нему, желая этой показной смѣлостью заглушить охватившую ее внутреннюю дрожь.

— Ты давно здѣсь, въ этомъ городѣ?—строго сдвигая брови, спросила она.

— Нин-не знаю...—началъ было онъ и сейчасъ-же сказалъ, что недавно.

— Нарочно пріѣхалъ, чтобъ меня искать?

— Нѣтъ, Юзя, не нарочно!—взмолился Корецкій,— я попалъ сюда... я попалъ сюда... — быстро заговорилъ онъ, видимо, приготовленныя, затверженныя слова,—случайно... для того, чтобы быть вмѣстѣ съ дочкой нашей!..

— Она тутъ? на сценѣ?.. въ актрисахъ? — произнесла со страннымъ наружнымъ спокойствіемъ панна Юзефа.

— А тебѣ... а вамъ извѣстно уже это?—удивился Корецкій, рѣшивъ по тому, какъ говорила съ нимъ и какъ глядѣла на него панна Юзефа, что лучше обращаться къ ней на „вы“, чѣмъ на „ты“.

— У нея есть воспитатель, что-ли, какой-то? актеръ? — продолжала она.

— Козодавлевъ-Рощининъ, панна Юзефа!

— Ну, а ты причемъ?

— Я при своемъ дѣлѣ, панна!.. то есть, не то что при дѣлѣ, потому что теперь я безъ дѣла...

— Да нѣтъ! я спрашиваю, причемъ ты относительно Маньки?

— Я, вообще, нин... наблюдаю!

— Ну, вотъ видишь-ли! — дѣловито и серьезно заговорила панна Юзефа,— ты видишь, какъ я живу, ты знаешь, что въ этомъ домѣ случилось несчастье: только что убита и похоронена дочь владѣтеля этого дома!

— Знаю! — вставилъ Корецкій и выпрямился, и блеснулъ глазами.

(Продолженіе будетъ.)

Жизнь.

Кизнь, то — моря безконечныя, бурныя.
Манятъ неопытныхъ волны лазурныя,
Манятъ въ объятья свои;
Манятъ просторомъ, раздольемъ и волею,
Радостью, счастьемъ и лучшею долею,
Манятъ блаженствомъ любви.
Люди обманчивымъ волнамъ ввѣряются,
Съ берега дѣтства въ нихъ смѣло кидаются,
Въ даль безъ боязни плывутъ...

Берегъ далеко въ туманѣ скрывается;
Волны сердито и шумно вздуваются
Волны растутъ и растутъ.
Счастья не видно, а море глубокое
Грозно кидаетъ ладью одинокую;
Падаютъ силы пловца:
Смотритъ онъ въ небо, тамъ тучи сгущаются,
Смотритъ на море — валы колыхаются,
Имъ и не будетъ конца.

И. К. Коробовъ.

Табакерка.

Разсказъ **Ив. Епифанова.**

Осенній петербургскій день. Моросить дождь, въ воздухѣ пронизывающій холодъ, на улицахъ невылазная грязь. Да оно и не мудрено: въ половинѣ XVIII вѣка столица русскаго государства не отличалась благоустройствомъ. Кой-гдѣ только у дворцовъ да у домовъ богатыхъ вельможъ были устроены троттуары. Были троттуары и на Невскомъ проспектѣ, обсаженномъ тогда деревьями, встрѣчались они и на Гороховой улицѣ, и еще на двухъ-трехъ другихъ.

Но не то было въ далекой, по тому времени, Коломнѣ, на «Козьемъ болотѣ». Мѣстность была плохо застроена и деревянныя постройки раздѣлялись между собою пустырями, заросшими бурьяномъ и травой.

Недалеко отъ Мойки, за покосившимся заборомъ стоялъ небольшой домикъ. Выцвѣтшій, обвѣтренный, съ покосившимся фундаментомъ, онъ производилъ жалкое впечатлѣніе, даже по тому времени.

Домъ принадлежалъ отставному секундъ-маіору Петру Ивановичу Головачеву, который жилъ здѣсь со своей семьею, состоявшей изъ жены и трехъ дѣтей. Достатки Головачева были небольшіе, и случалось даже, что жена Головачева, Марья Николаевна, иной разъ не знала, будетъ-ли сегодня семья обѣдать.

То-же было и въ этотъ тоскливый осенній день. Марья Николаевна задумчиво ходила по комнатѣ, съ тоской посматривая на мужа, сидѣвшаго съ опущенной головой около простого, некрашенаго стола. Дѣти, прижавшись въ уголокъ, молчали и въ ихъ свѣтлыхъ, ясныхъ глазкахъ мелькала затаенная грусть.

— Петръ Ивановичъ, а, Петръ Ивановичъ,—тихо проговорила Марья Николаевна, положивъ руку на плечо мужа.

— Что, матушка? что, голубушка?—отвѣтилъ тотъ, поднимая голову.

— Какъ-же насчетъ обѣда-то?

— Да, да, какъ-же? Это я сейчасъ, — и секундъ-маіоръ быстро поднялся и началъ одѣваться.

— Куда ты, Петръ Ивановичъ?

— Къ пріятелю, тутъ, матушка, къ однополчанину.

— Ужъ не къ Краснухину-ли?

— Вотъ, вотъ! къ нему, къ нему!

— Охъ, Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ! Самъ знаешь ихъ достатки... Такіе-же они богачи, какъ и мы.

— Ну, а все-же отчего не попробовать? Вѣдь, намъ немного и надо: двѣ-три гривны, вотъ и обѣдъ.

Головачевъ, благодаря постояннымъ недохваткамъ, задолжалъ уже многимъ изъ сосѣдей и вотъ теперь остался одинъ Краснухинъ, у котораго онъ еще ни раза не бралъ въ долгъ.

«Авось дастъ, авось дастъ!» — думалъ Петръ Ивановичъ, надѣвая заплатанныя рейтузы и ботфорты и застегивая сильно поношенную бѣлую жилетку и мундиръ съ красными отворотами.

— Охъ, Петруша,—печально говорила Марья Николаевна, завязывая на шеѣ мужа пожелтѣвшее жабо, — ничего ты не достанешь.

— Все Богъ, все Богъ, матушка! Онъ, Вседержитель, все видитъ, Онъ поможетъ. Ну, вотъ, я и готовъ. Шинельку то дай, шинелишку, а то дождь, промокну...

Накинувъ шинель и надѣвъ на голову шляпу, Головачевъ

какъ-то торопливо выскочилъ на покосившееся крыльцо, почти бѣгомъ пробѣжалъ по двору и скрылся за заборомъ.

Но надежды Петра Ивановича на Краснухина не оправдались. Краснухинъ куда-то уѣхалъ, а его жену Головачевъ не хотѣлъ тревожить просьбой о займѣ.

— Что дѣлать, что дѣлать? — шепталъ Головачевъ, — ну, я-то ничего, потерплю, съ голода не умру, Маша тоже, а дѣтки-то, дѣтки! О, Господи!

Незамѣтно Головачевъ вышелъ на Мойку и свернулъ по ея набережной къ Невскому проспекту. Его обогнали двое какихъ-то штатскихъ.

— Ты куда? — слышитъ Петръ Ивановичъ разговоръ обогнавшихъ.

— Все туда-же.

— А давно ходишь?

— Почитай, съ мѣсяцъ.

— И ничего?

— Т. е., вотъ ни-ни. Все по-хорошему: напоятъ, накормятъ и даже не спросятъ, кто ты.

— Ну?

— Да не хочешь-ли, пойдемъ?

— Попробовать развѣ?

— Отлично! попробуй и я увѣренъ, что завтра ты отправишься снова туда.

— Ловко-ли?

— Я самъ вначалѣ думалъ, что неловко, а теперь иду, какъ домой.

— Ну, тогда шагаемъ.

«Куда это они? — думалось Головачеву, — гдѣ это даромъ кормятъ? Э, пойду за ними».

И Петръ Ивановичъ прибавилъ шага.

Штатскіе дошли до Гороховой и, перейдя ее, скрылись въ подъѣздѣ огромнаго дома.

Не безъ трепета подошелъ Головачевъ къ подъѣзду и отшатнулся. Богато одѣтый швейцаръ съ булавой широко распахнулъ предъ нимъ дверь и, по обычаю, далеко отмахнулъ правую руку, стукнувъ булавой о полъ.

Отступленія не было, и Петръ Ивановичъ вошелъ въ подъѣздъ.

Лакей во фракѣ, въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ привычной рукой скинулъ съ Головачева шинель и указалъ на широкую лѣстницу.

Боязливо поднялся Петръ Ивановичъ во второй этажъ, гдѣ его встрѣтилъ другой лакей и отворилъ дверь въ одну изъ комнатъ. Петръ Ивановичъ остановился, пораженный. Огромный залъ былъ заставленъ столами, тянувшимися такъ называемымъ «покоемъ», т. е., буквою «П». Масса народа сидѣла за этими столами; нѣсколько служителей разносили миски, блюда; звенѣли ножи, вилки, тарелки.

— Пожалуйте, господинъ маіоръ, — произнесъ одинъ изъ прислуживавшихъ за столомъ.

Петръ Ивановичъ сѣлъ и около него тотчасъ-же оказались приборъ и дымящаяся миска съ супомъ. Боясь запачкать бѣлоснѣжную салфетку, которую предъ нимъ положили, Петръ Ивановичъ закрылъ свое жабо платкомъ, вынутымъ изъ кармана мундира.

Вкусное мясо и вкусный бульонъ раздразнили аппетитъ Головачева и онъ съ удовольствіемъ поѣлъ. Вслѣдъ за супомъ подали жареную индѣйку, затѣмъ цѣлый окорокъ баранины, принесли еще нарѣзанную ломтями ветчину и, наконецъ, что-то сладкое.

Петръ Ивановичъ былъ сытъ. За сладкимъ онъ обратился къ своему сосѣду:

— Скажите, сударь мой, что это сего дня поминки по комъ нибудь въ этомъ домѣ?

— Вы, что-же, первый разъ здѣсь?

— Первый!

— Нѣтъ, не поминки, а его сіятельство графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій угощаетъ всѣхъ званыхъ и незваныхъ; его сіятельство, по добротѣ своей, кормитъ и поитъ у себя всѣхъ, кто хочетъ сдѣлать ему удовольствіе откушать его хлѣба-соли.

— Сколько-же разъ въ году это бываетъ?

— А разно!—улыбнулся сосѣдъ Петра Ивановича, — иной разъ триста шестьдесятъ пять, а иной — триста шестьдесятъ шесть!

— Т. е., каждый день?

Въ дверяхъ показалась высокая, статная фигура Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Всѣ встали и отвѣсили ему поклонъ. Весело улыбаясь, Кириллъ Григорьевичъ обошелъ всѣхъ гостей, кому кланяясь, кому улыбаясь, кого похлопывая по плечу.

— Спасибо, что не забываете моей скромной хаты,—говорилъ Разумовскій, — не гнушаетесь хлѣба-соли откушать у меня. Еще разъ спасибо. А я, гости дорогіе, хочу съ вами подѣлиться своею радостью. Государыня императрица въ неизрѣченной своей милости пожаловала меня табакеркой. Конечно, табакерка хороша, но что она въ сравненіи съ тѣмъ благожелательнымъ чувствомъ, которое питаетъ ко мнѣ ея императорское величество! Вотъ полюбуйтесь!

Разумовскій открылъ футляръ и передалъ его одному изъ сидѣвшихъ за столомъ.

Табакерка была чудная, вся усыпанная брилліантами. Всѣ любовались табакеркой, которая переходила изъ рукъ въ руки среди обѣдающихъ. Дошла очередь и до Головачева, чтобы полюбоваться на драгоцѣнный подарокъ. И вотъ табакерка у него въ рукахъ. Сильно-сильно забилось его сердце, когда онъ посмотрѣлъ на игру брилліантовъ.

«Денегъ, денегъ-то сколько тутъ! — мелькнуло у него въ головѣ, — о, Господи!»

Какъ во снѣ, онъ замѣтилъ приближеніе къ себѣ Разумовскаго и въ тотъ моментъ, когда графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ уже около него, быстро развязалъ на своей шеѣ платокъ, служившій ему вмѣсто салфетки, и спряталъ его въ карманъ.

— Ну, что, маіоръ, хороша табакерка?—спросилъ графъ.

— Такъ хороша, такъ хороша, ваше сіятельство, что и не сказать!

— Ну, и отлично! Давай ее сюда!

Головачевъ поблѣднѣлъ.

— Ну, что-же?

— Ва... ва... ва... — залепеталъ Петръ Ивановичъ.

Разумовскій нахмурилъ брови.

— Господа, у кого табакерка?—гнѣвно крикнулъ графъ.

Среди присутствовавшихъ произошло волненіе.

— Здѣсь есть нечестный человѣкъ, — гремѣлъ голосъ Разумовскаго. — Мнѣ не жаль табакерки, а только подарка ея величества. Прошу, господа, найти ее.

Всѣ встали изъ-за стола и начали выворачивать свои карманы, разстегивали сюртуки, нѣкоторые даже снимали сапоги. Очередь дошла до Петра Ивановича Головачева. Тотъ сконфузился.

— Ваше сіятельство, разрѣшите мнѣ поговорить съ вами наединѣ, — почти прошепталъ Петръ Ивановичъ.

— Негодяй! — пробормоталъ чуть слышно Разумовскій и быстро направился въ одну изъ комнатъ.

За нимъ, опустивъ голову, шагалъ Головачевъ.

Двери за ними захлопнулись.

— Ну-съ! знаю, что ты мнѣ скажешь! — сказалъ Кириллъ Григорьевичъ гостю, когда они остались вдвоемъ. — Давай скорѣе и Богъ съ тобой. Все, конечно, останется между нами.

— Ваше сіятельство, простите, ваше сіятельство,—бормоталъ Головачевъ,—я, точно, укралъ у васъ... только не то, что вы думаете.

— Чѣмъ-же ты воспользовался?

— Кускомъ говядины, ваше сіятельство, кускомъ индѣйки, кускомъ баранины и ломтемъ ветчины. Вотъ все, что я взялъ со стола, ваше сіятельство, но и къ этому я былъ вынужденъ безвыходной нуждой. Дома голодаетъ семья, ваше сіятельство; я-то сытъ по добротѣ вашей, захотѣлось и семью покормить отъ вашихъ щедротъ. Состоянія у меня никакого, мѣсто добыть не могу, простите!..

Головачевъ хотѣлъ опуститься на колѣна.

— Не надо!

Разумовскій взялъ за руку Петра Ивановича и поднялъ.

Въ это время въ комнату графа постучались.

— Кто тамъ?

— Ваше сіятельство,—проговорилъ дворецкій,—табакерка нашлась.

— Ну, и отлично. Какъ васъ зовутъ?—обратился Разумовскій къ Головачеву.

— Петръ Ивановичъ Головачевъ, отставной секундъ-маіоръ.

— Давайте руку...

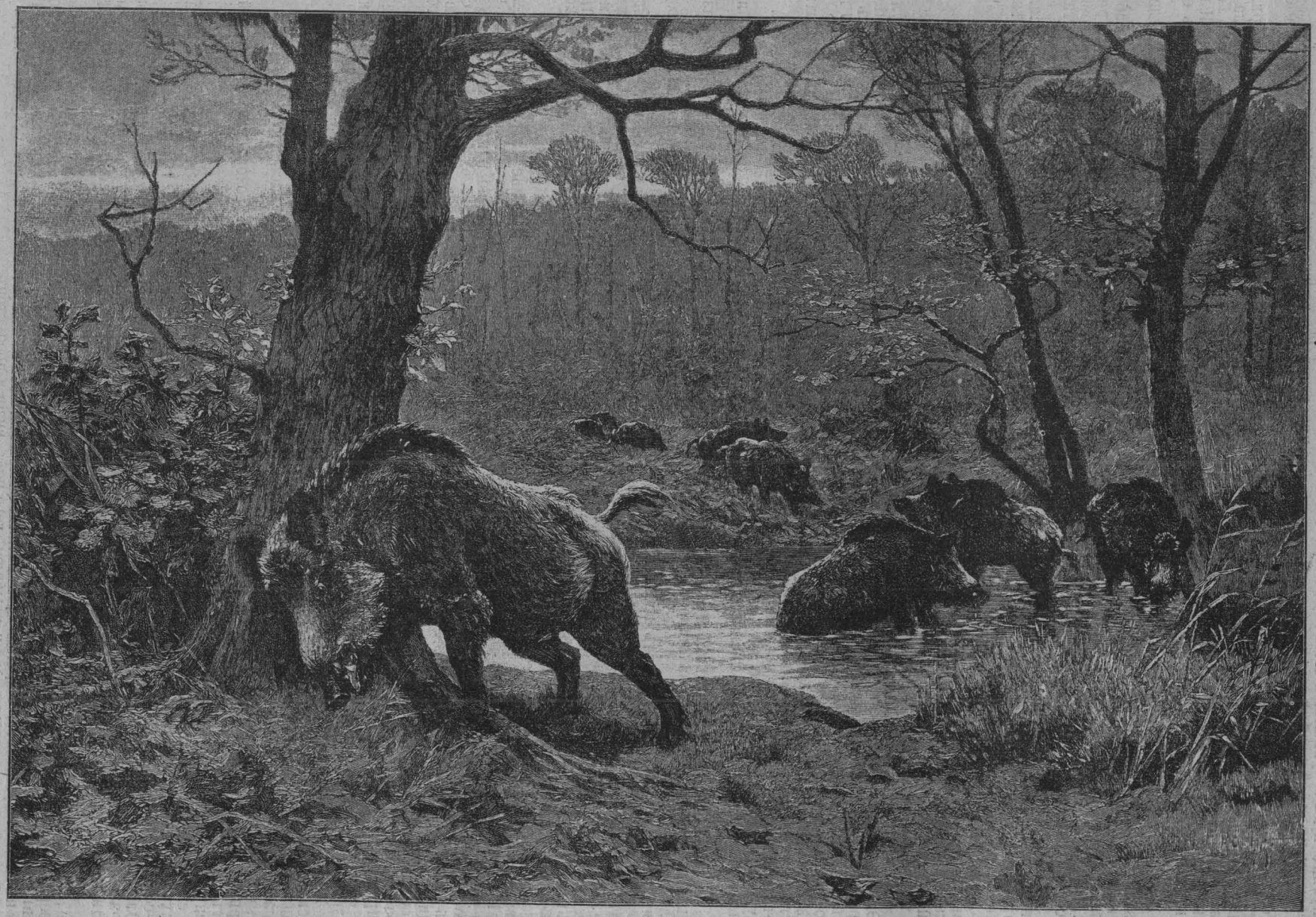
Двери отворились, и въ залъ подъ руку съ Головачевымъ вошелъ Кириллъ Григорьевичъ.

— Ахъ, господа, господа,—шутилъ Разумовскій,—какъ вы напугали моего стараго друга, маіора! Въ слѣдующій разъ я попрошу васъ къ себѣ въ гости придти въ самомъ легкомъ платьѣ или лучше нагишомъ. А предъ вами, мой другъ,—обратился Разумовскій къ Головачеву, — я въ долгу.

Обласканный и успокоенный, ушелъ Головачевъ отъ Разумовскаго и только что подошелъ къ своему дому, какъ за нимъ явились четверо слугъ Кирилла Григорьевича, принеся въ скромный домикъ отставного секундъ-маіора массу провизіи и продуктовъ.

Графъ вошелъ въ положеніе бѣдняка, выдалъ ему пособіе, а впослѣдствіи Петръ Ивановичъ получилъ и мѣсто, вполнѣ обезпечившее жизнь его семьи.

КОНЕЦЪ.



КАБАНЫ НА ВОЛѢ Съ картины Г. Ф. Ретигъ.

НАПОЛЕОНЪ ПОСЛѢ БИТВЫ ПРИ ВАТЕРЛОО. Съ картины **Г. Блейбтрей.**

Изъ письма.

Все чаще, чаще дни, когда душа тоскуетъ
И мысль бездѣйствуетъ, какъ-будто въ кандалахъ;
Напрасно все кругомъ зоветъ, кипитъ, ликуетъ—
Не манитъ больше жизнь!.. Какой-то смутный страхъ
Внушаетъ мнѣ борьба... Еще трепещутъ крылья,
Но мочи нѣтъ уже расправить ихъ, вздохнуть,
Какъ въ годы прежніе... Нѣмой вопросъ безсилья,
Безсилья жалкаго встаетъ и давитъ грудь.
И я, бездѣйствуя, горю, тоскую, плачу,
Но крѣпко спитъ душа и мысль молчитъ моя...
Какъ больно оттого, что ничего не значу
Въ огромномъ этомъ мірѣ я!

Все рѣже, рѣже дни, когда въ мгновенье ока
Пробудится душа, заблещетъ вѣрой взоръ
И умъ работаетъ съ энергіей потока,
Рожденнаго тепломъ въ снѣгахъ высокихъ горъ
Внимая голосамъ и жизни, и природы,
Я съ жаромъ отдаюсь завѣтному труду;
Пусть ополчится рокъ—ничто тогда невзгоды:
Я силы чувствую и смѣло въ бой иду!
Мнѣ кажется тогда, что я рѣшилъ задачу,
Въ чемъ смыслъ и счастіе, и радость бытія;
Что, чувствуя, трудясь, ужъ кое-что да значу
Въ огромномъ этомъ мірѣ я!

Е. И. Богославскій.

Нижегородскій съѣздъ старообрядцевъ.

Съ рисунками на стр. 1465 и 1466.

Знаменательный указъ 17-го апрѣля освободилъ лучшую часть русскаго старообрядчества отъ тяжелѣйшаго гнета,—гнета, ничѣмъ несогласуемаго ни съ наступившимъ двадцатымъ вѣкомъ, когда, въ сущности своей, всѣ вопросы сводятся къ указанію Христа: «гдѣ трое васъ во имя Мое, тамъ и Я посреди васъ», ни съ тѣмъ положеніемъ, которое заняла эта часть въ отношеніи другихъ старообрядческихъ согласій и толковъ. Мы говоримъ здѣсь о старообрядцахъ-поповцахъ, пріемлющихъ австрійское священство.

Въ ближайшей книгѣ («Знаніе и Польза») будетъ помѣщенъ подробный обзоръ всѣхъ дробленій русскаго старообрядчества, начиная съ рокового 1666 г., здѣсь-же мы посвятимъ строки августовскому съѣзду вышеуказанныхъ старообрядцевъ и прежде всего укажемъ, что поповщина вся вообще—и по своему религіозному укладу, и по своему духу такъ близка къ господствующему православію (въ особенности поповщина Бѣлокриницкой (австрійской) іерархіи),—что положительно непонятны тѣ запретительныя мѣры, которыя предпринимались противъ нея до изданія знаменательнаго апрѣльскаго Высочайшаго указа.

Сущность всей поповщины въ томъ, что принадлежащіе къ ней не находятъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ возможнымъ признавать духовенствомъ священниковъ, получившихъ преемственно рукоположеніе отъ патріарха Никона, и признаютъ своими духовными пастырями лишь тѣхъ священниковъ, которые преемственно имѣютъ рукоположеніе отъ до-никоновскихъ епископовъ. Конечно, таковыхъ не оказалось уже вскорѣ послѣ 1666 г. и отдѣлившіеся отъ церкви старообрядцы не имѣли около двухъ столѣтій епископовъ, пока молдавскіе липоване, т. е., выселившіеся въ Австрію еще при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ, не пріобрѣли себѣ епископа въ лицѣ босно-сераевскаго митрополита, румелійца по происхожденію, Амвросія, основавшаго въ 1846 г. въ главномъ липованскомъ селеніи Бѣлой Криницѣ архіерейскую каѳедру и успѣвшаго, несмотря на свое кратковременное пребываніе на ней, рукоположить себѣ преемника. Такимъ образомъ, поповцы, сперва австрійскіе, а отъ нихъ и русскіе, получили всю свою священно-іерархію. У нихъ появились свои архіепископы и епископы и, несмотря на строжайшія преслѣдованія, происходили свои съѣзды и соборы.

Всѣхъ съѣздовъ старообрядцевъ-поповцевъ Бѣлокриницкой іерархіи было шесть; первый по счету изъ нихъ былъ въ 1899 г. въ Нижнемъ-же Новгородѣ и на немъ участвовало всего девятнадцать тайно собравшихся членовъ, и августовскій съѣздъ текущаго года былъ первымъ, когда эти истинно «древле-православные христіане» могли обсуждать свои нужды открыто, не боясь, что въ область религіозныхъ вопросовъ вторгнется полицейская власть. За пять лѣтъ старообрядцы сплотились, выработали программу дѣйствій и на съѣздъ этого года ихъ явилось уже болѣе двухсотъ человѣкъ.

Пользуясь сообщеніями «Старообрядческаго Вѣстника», «Нов. Времени» (корреспонденція Ф. Хитровскаго) и «Нижегородскаго Листка», постараемся по силѣ возможности познакомить читателей съ трудами съѣзда и послѣдовавшаго за нимъ старообрядческаго собора.

Нижегородскій съѣздъ продолжался четыре дня, со 2-го по 5-е августа и, какъ на особенность его, можно указать на то, что всѣ его засѣданія происходили на открытомъ воздухѣ, въ саду при домѣ купца Д. В. Сироткина. На съѣздъ собрались представители старообрядцевъ-поповцевъ Бѣлокриницкой іерархіи изъ обѣихъ столицъ, со всего Поволжья, Урала, Пермскаго края и Сибири. Во главѣ духовныхъ лицъ представительствовалъ на съѣздѣ старообрядческій архіепископъ Іоаннъ съ двумя епископами. Среди мірянъ находились московскіе милліонеры гг. Пуговкинъ, Ѳедотовъ, братья Рябушинскіе. Предъ началомъ съѣзда пр. Іоаннъ совершилъ въ домовой церкви Д. В. Сироткина молебствіе и сказалъ слово, произведшее впечатлѣніе на слушателей. Старообрядческій витія говорилъ о необходимости сохраненія древнихъ церковныхъ обычаевъ, какъ связи современности съ родной стариною. Послѣ этого съѣздъ былъ объявленъ открытымъ и были избраны руководители (предсѣдатели) его четырехъ собраній.

Главнѣйшимъ вопросомъ съѣзда былъ предложенъ вопросъ «О положеніи старообрядчества въ Россіи въ связи съ общимъ положеніемъ въ странѣ», но, по требованію нижегородскаго губернатора, обсужденіе этого вопроса было исключено изъ программы съѣзда.

Руководителемъ перваго собранія былъ А. В. Симаковъ, предложившій съѣзду выслушать проэктъ благодарности Государю Императору за дарованіе вѣроисповѣдной свободы. По выслушаніи проэкта было рѣшено подписи къ нему собрать среди старообрядцевъ всей Россіи. Затѣмъ собраніе намѣтило рядъ хозяйственныхъ мѣропріятій и выбрало комиссію для всесторонняго утвержденія ихъ.

Между прочимъ, было отклонено предложеніе одного епископа, участника съѣзда, образовать особое епархіальное учрежденіе для взиманія сборовъ на содержаніе епископовъ и пр. Это учрежденіе, какъ приближающееся къ таковымъ-же въ господствующей церкви въ послѣ-петровскомъ періодѣ, признано нежелательнымъ. Вообще, у старообрядческихъ архіереевъ замѣтно стремленіе къ подражательности учрежденіямъ господствующей церкви, а старообрядцы этимъ стремленіямъ всячески противодѣйствуютъ, отстаивая старину, когда епископы были не обезпечены и зависѣли отъ общины. Очень уважая своихъ епископовъ, старообрядцы не хотятъ творить изъ нихъ себѣ кумировъ и слѣпо подчиняться имъ.

Во второмъ собраніи, происходившемъ подъ руководствомъ москвича П. П. Рябушинскаго, обсуждались проэкты старообрядческихъ общинъ, приходовъ и устройства въ послѣднихъ храмовъ, организаціи въ будущемъ съѣздовъ и пр. Рѣшенія по всѣмъ этимъ вопросамъ съѣздъ долженъ былъ представить въ комиссію графа Игнатьева. Относительно устройства общинъ съѣздомъ приняты слѣдующія основныя положенія: а) всѣ члены общины, достигшіе совершеннолѣтія, допускаются съ правомъ голоса на приходскія собранія; б) женщины къ участію въ приходскихъ собраніяхъ допускаются съ правомъ голоса, но безъ права быть избираемыми въ должностныя лица; в) на необходимые расходы и содержаніе кладбищъ дѣлать не обложенія прихожанъ, а добровольный сборъ; г) считать приходское собраніе дѣйствительнымъ при наличности одной трети прихожанъ; д) приходъ считать тамъ, гдѣ есть старообрядческій храмъ; е) должностныхъ лицъ избирать на три года; ж) внести въ уставъ статью, предоставляющую собранію право выдавать совѣту общинъ подробную инструкцію для внутренняго распорядка въ приходѣ.

Затѣмъ было рѣшено устроить въ Россіи полторы тысячи старообрядческихъ приходовъ съ храмомъ въ каждомъ изъ нихъ, на что рѣшено собрать 75.000.000 руб. Рѣшено также выработать и разослать въ приходы по отпечатаніи проэктъ положенія о съѣздахъ.

Третье собраніе, происходившее также подъ руководствомъ г. Рябушинскаго, всецѣло было посвящено вопросамъ объ образованіи дѣтей и юношей старообрядцевъ. Обсуждались, и очень горячо, вопросъ о средней школѣ для нихъ, вопросъ о метрическихъ книгахъ, объ улучшеніи церковнаго пѣнія, объ образованіи училищнаго фонда.

Въ четвертомъ и послѣднемъ засѣданіи, происходившемъ, по словамъ корреспондента «Нов. Вр.», подъ руководствомъ А. В. Симакова, первымъ былъ заслушанъ докладъ г. Ламанова о предъявленія иска о возвращеніи кубанскимъ казакамъ насильственно отобраннаго у нихъ Никольскаго монастыря въ обвалахъ близъ станціи Кавказской, Кубанской области, архимандритомъ (нынѣ викаріемъ нижегородскимъ) Исидоромъ Колоколовымъ. Не касаясь вопроса по существу, собраніе преподало докладчику совѣтъ обратиться съ жалобою къ намѣстнику Кавказа. Для метрической записи рѣшено разослать книги. Заслушанъ докладъ о возвращеніи отобранныхъ келій въ Архангельской губерніи на Мезени. Веденіе этого ходатайства взялъ на себя А. И. Морозовъ. Хранилище старообрядческихъ древностей рѣшено устроить въ Нижнемъ-Новгородѣ. Рѣшено написать попечителямъ Рогожскаго кладбища просьбу о разрѣшеніи посѣтителямъ-старообрядцамъ осматривать кладбищенскую библіотеку въ опредѣленное время безпрепятственно.

Разсмотрѣвъ докладъ о книгопечатаніи, съѣздъ постановилъ предоставить совѣту изыскать средства для устройства типографіи. Заслушанъ и принятъ докладъ о поддержкѣ изданія «Старообрядческаго Вѣстника». Заслушанъ докладъ объ открытіи школы для изученія иностранныхъ языковъ. Рѣшено сдать его въ попечительство съ предоставленіемъ послѣднему права сдѣлать въ смѣтѣ, если найдено будетъ удобнымъ, перестановку суммъ на расходы по сему предмету. Заслушанъ былъ докладъ И. П. Ѳедорова о произведенной ревизіи школъ пѣнія. По поводу этого доклада рѣшено поручить комиссіи по улучшенію церковнаго пѣнія собрать лучшіе экземпляры крюковыхъ книгъ и издать ихъ. Рѣшено открывать школы церковнаго пѣнія въ каждой епархіи. Заслушано предложеніе г. Макарова обратиться съ предложеніемъ къ константинопольскому патріарху высказаться о каноническомъ достоинствѣ старообрядческой іерархіи. Собраніе рѣшительно отклонило это предложеніе, какъ нежелательное и унизительное для старообрядческаго священства.

5-го августа съѣздъ закрылся. Кромѣ обсужденія программныхъ вопросовъ, его собраніями были посланы благодарственныя телеграммы: графу С. Ю. Витте — за его труды по освобожденію старообрядчества отъ четвертивѣкового гнета, кн. П. Д. Святополкъ-Мирскому и сенатору А. Ѳ. Кони—за ихъ труды по защитѣ угнетаемыхъ въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, и, кромѣ того, выражена благодарность русской печати, стоявшей за нужды старообрядчества и указывавшей на его безпричинно тяжелое положеніе, создавшееся въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Какъ знаменіе времени, явилось то небывалое еще въ старообрядческой средѣ обстоятельство, что на съѣздѣ присутствовали корреспонденты многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. Обращаетъ на себя вниманіе и то, что съѣздъ постановилъ путемъ изданія сочиненій бороться противъ проникшихъ и въ старообрядчество идей толстовства. Досугъ послѣ дѣловыхъ собраній участники съѣзда посвятили экскурсіи по Волгѣ въ Городецъ, гдѣ осматривали хранилища древностей, собранныхъ купцами Прянишниковымъ и Овчинниковымъ.

На общемъ, такъ сказать, фонѣ съѣзда довольно рѣзко выяснилось то обстоятельство, что и старообрядческой среды до извѣстной степени коснулся духъ времени. На собраніяхъ слышались смѣлые разговоры, предложенія. Незамѣтно было того рѣзкаго отчужденія, которое еще не такъ давно царило между старообрядцами и православными. Старообрядческая молодежь хотя и замѣтно тушевалась предъ стариками, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и почтительно, но все-таки стойко защищала свои воззрѣнія, въ особенности въ отношеніи образованія. Такимъ образомъ, этотъ первый не скрытный, не потайный, вполнѣ легальный съѣздъ, быть можетъ, является первою ступенью къ уничтоженію тяжелой религіозной розни, дѣлающей чуть-ли не враговъ изъ дѣтей ихъ общей матери-Россіи.

Вскорѣ послѣ нижегородскаго съѣзда и какъ-бы въ дополненіе его въ Черемшанскомъ старообрядческомъ монастырѣ происходилъ въ теченіе пяти дней старообрядческій соборъ подъ предсѣдательствомъ старообрядческаго архіепископа московскаго Іоанна. Черемшанскій старообрядческій монастырь, до сихъ поръ оффиціально именовавшійся «скитомъ», является однимъ изъ центровъ старообрядцевъ-поповцевъ австрійскаго согласія. Онъ находится на седьмой верстѣ отъ Хвалынска, уѣзднаго города Саратовской губ., на притокѣ Волги — Черемшанѣ. Въ Черемшанскомъ монастырѣ живетъ старообрядческій епископъ, почему онъ и былъ избранъ мѣстомъ созыва собора. Участниковъ собора было восемьдесятъ и въ томъ числѣ десять старообрядческихъ епископовъ. Большинство обсуждавшихся дѣлъ носили чисто-духовный характеръ; посреди другихъ особенно оживленныя пренія вызвалъ вопросъ о правахъ голоса прихожанокъ въ приходахъ, проэктированныхъ нижегородскимъ съѣздомъ. Этотъ вопросъ самимъ съѣздомъ былъ переданъ на обсужденіе хвалынскаго собора. По приговору съѣзда членами прихода должны считаться всѣ старообрядцы данной мѣстности съ 21 года, безъ различія имущественнаго ценза и общественнаго положенія. И еще дальше: женщины съ 21 года—такіе-же члены прихода, какъ и мужчины: онѣ имѣютъ право голоса и могутъ избирать; предложеніе быть женщинамъ и избираемыми, однако, не прошло. Духовенство въ приходѣ — такіе-же члены, какъ и всѣ, не больше. Такія яко-бы либеральныя рѣшенія понятны: старообрядцы придерживаются старины, а встарину именно такъ и было. Соборъ по этому вопросу, какъ передаетъ «Нижегород. Лист.», высказался въ томъ смыслѣ, что право женщинъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ опредѣляться самой общиной. Выработанъ текстъ старообрядческой присяги. Этотъ текстъ въ общемъ схожъ съ древнимъ текстомъ; особенность его заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ клятвы, а есть только обѣщаніе. Произведены были выборы епископовъ на свободныя мѣста. Епископомъ донскимъ выбранъ діаконъ Богатенко. Донская епархія много лѣтъ была безъ епископа. Объясняется это тѣмъ, что двухъ послѣднихъ епископовъ мѣстныя власти послали въ ссылку; послѣдній епископъ, Спиридоній, даже умеръ въ ссылкѣ, ввиду чего охотниковъ на постъ епископа донской епархіи не было. Въ настоящее время старообрядцы надѣются, что на Дону власти будутъ относиться къ ихъ духовнымъ представителямъ терпимѣе. Въ саратовскую епархію избранъ священникъ Михаилъ Картушинъ, въ черниговскую—священникъ Емельянъ, въ томскую—священникъ Василій Сюткинъ.

Рѣшено ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи старообрядческимъ обществамъ имѣть собственность.

Въ совѣщаніе по духовнымъ дѣламъ, предсѣдателемъ коего состоитъ графъ А. П. Игнатьевъ, избраны представителями: епископъ нижегородскій и костромской Иннокентій и священникъ о. К. Колягинъ.

На основаніи указа 17-го апрѣля старообрядческіе священники исключаются изъ крестьянскаго сословія. Эта милость старообрядцамъ на практикѣ выразилась въ матеріальномъ стѣсненіи. Дѣло въ томъ, что исключенные изъ крестьянскаго сословія священники лишаются въ то-же время крестьянскихъ надѣловъ, между тѣмъ, главное занятіе этихъ священниковъ и средство къ жизни—хлѣбопашество. Рѣшено ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы крестьянамъ-священникамъ были оставлены ихъ земельные надѣлы, дѣти-же священниковъ оставались-бы въ крестьянскомъ сословіи.

Сломанная береза.

Пышная береза гордо расцвѣтала,
Въ лѣтній зной прохожихъ тѣнью осѣняла.
Подъ шатромъ зеленымъ той густой березы,
Душу волновали сладостныя грезы...
Лѣто пролетѣло... осень наступила,
Утромъ дождикъ сѣялъ, ночью буря выла,
Опустѣло въ полѣ... лѣсъ ужъ обнажился,
Вѣтеръ съ дикимъ свистомъ на дворѣ кружился.
Но однажды утромъ солнце засвѣтилось,
Вся природа снова будто оживилась,
Въ лѣсъ меня манило непонятной силой,
Къ рощѣ той завѣтной, къ той березѣ милой...
Подхожу я ближе... вижу—нѣтъ березы...
На глаза невольно навернулись слезы.
Бѣлый стволъ надломанъ,—буря поразила,
Ночью ее вьюга бѣдную сразила!
Такъ и моя юность пышно расцвѣтала,
Счастіе, какъ солнце, нѣжило, ласкало...
Поднялася буря, силы надломила,—
Горе слишкомъ рано жизнь мою сразило!

Ольга Р.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

ТОГДА занялись Ольховскимъ и его внезапнымъ переводомъ.

Ольховскій хотѣлъ сорвать съ Макарова — и оба попались. Подрядчикъ донесъ; но такъ какъ дѣла у него самого были весьма нечисты, то его арестовали и онъ сидитъ теперь въ тюрьмѣ, въ отдѣленіи предварительнаго заключенія. Что это вѣрно, такъ въ томъ свидѣтельствуетъ самъ прокуроръ, который сообщилъ разсказчику объ этомъ, и Алексѣй Михайловичъ, судебный слѣдователь... Но въ это время мимо разсказчика проплыла по бульвару грузная фигура самого Макарова, шедшаго на свободѣ, и притомъ съ совершенно независимымъ видомъ.

Разсказчикъ былъ сконфуженъ на минуту, но потомъ нашелся.

— Выпустили, очевидно! — хладнокровно сказалъ онъ и отвѣтилъ на поклонъ Макарова.

Черезъ нѣсколько дней вышло новое сочиненіе объ Ольховскомъ. Онъ получилъ мѣсто съ окладомъ въ сорокъ тысячъ рублей на одной желѣзной дорогѣ, но отказался, не желая покидать городъ, который онъ очень любилъ. На эту версію послѣдовала другая, въ которой тонко намекалось, что Ольховскій оттого не хотѣлъ покидать городъ, что у него здѣсь есть тайное увлеченіе, которому онъ даже не задумался пожертвовать этимъ грандіознымъ окладомъ. Это показалось слушателямъ правдоподобнымъ и пикантнымъ, но только никакъ не могли дознаться, кто именно объектъ этого увлеченія. И, наконецъ, послѣ того какъ мудро догадался какой-то освѣдомленный человѣкъ, что это — златокудрая Нина, всѣ успокоились.

Въ слѣдующую сессію бульварнаго засѣданія распространились слухи, будто казначей областного казначейства, у котораго была ревизія, „не досчитался“ двадцати пяти тысячъ. Пошли догадки: просчетъ это или растрата? арестованъ Калистратъ Григорьевичъ или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, было рѣшено, что онъ устраненъ отъ должности. Наиболѣе предпріимчивые люди отправились въ казначейство и, къ вящшему удивленію, увидѣли нескладную фигуру Калистрата Григорьевича „въ клѣткѣ“, изъ которой выдавались деньги. Попрежнему онъ принималъ талоны, свѣрялъ ихъ съ ассигновками, заставлялъ получателей расписываться и немилосердно муслилъ деньги, пересчитывая ихъ разъ по пяти, прежде чѣмъ выдать по принадлежности.

„Развѣдчикъ“ здоровался съ нимъ:

— Здравствуйте, Калистратъ Григорьевичъ!

— Здравствуйте. А что?

— Ничего. Такъ зашелъ. У васъ была ревизія?

— Непремѣнно.

— И? — осторожно спросилъ развѣдчикъ. — Все благополучно?

— А какъ-же могло быть иначе? — удивленно спрашивалъ Калистратъ Григорьевичъ и топорщилъ свои бритые усы. — А только вы отойдите, почтенный, отъ кассы — загораживаете. Ужо приходите въ клубъ — потолкуемъ.

Лицо казначея сіяло невозмутимымъ добродушіемъ и довольствомъ судьбою, такъ что очевидно было, что онъ не растратилъ и не просчиталъ казенныхъ денегъ.

На другой день объ этомъ докладывалось на бульварѣ и докладъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Какъ это рѣшительно не случается въ этомъ городишкѣ ничего интереснаго? Вѣдь, такъ-же невозможно жить, въ самомъ дѣлѣ! Даже говорить не о чемъ! поволноваться не изъ-за чего! Скука жизни висѣла надъ городкомъ, какъ душное облако. Такъ какъ всѣ другъ друга знали до мельчайшихъ подробностей и вѣдали всѣ домашнія дѣла другъ друга, то всѣ жаждали узнать другъ о другѣ какую-нибудь необыкновенную гадость, чтобы былъ матеріалъ для какого-нибудь разговора. Такое событіе могло, хотя до извѣстной степени, всколыхнуть плоскость ровнаго существованія и жажда новизны становилась положительно великой. Эта жажда еще больше возрастала, когда наступала весна и обыватели высыпали на бульваръ грѣться въ лучахъ солнца.

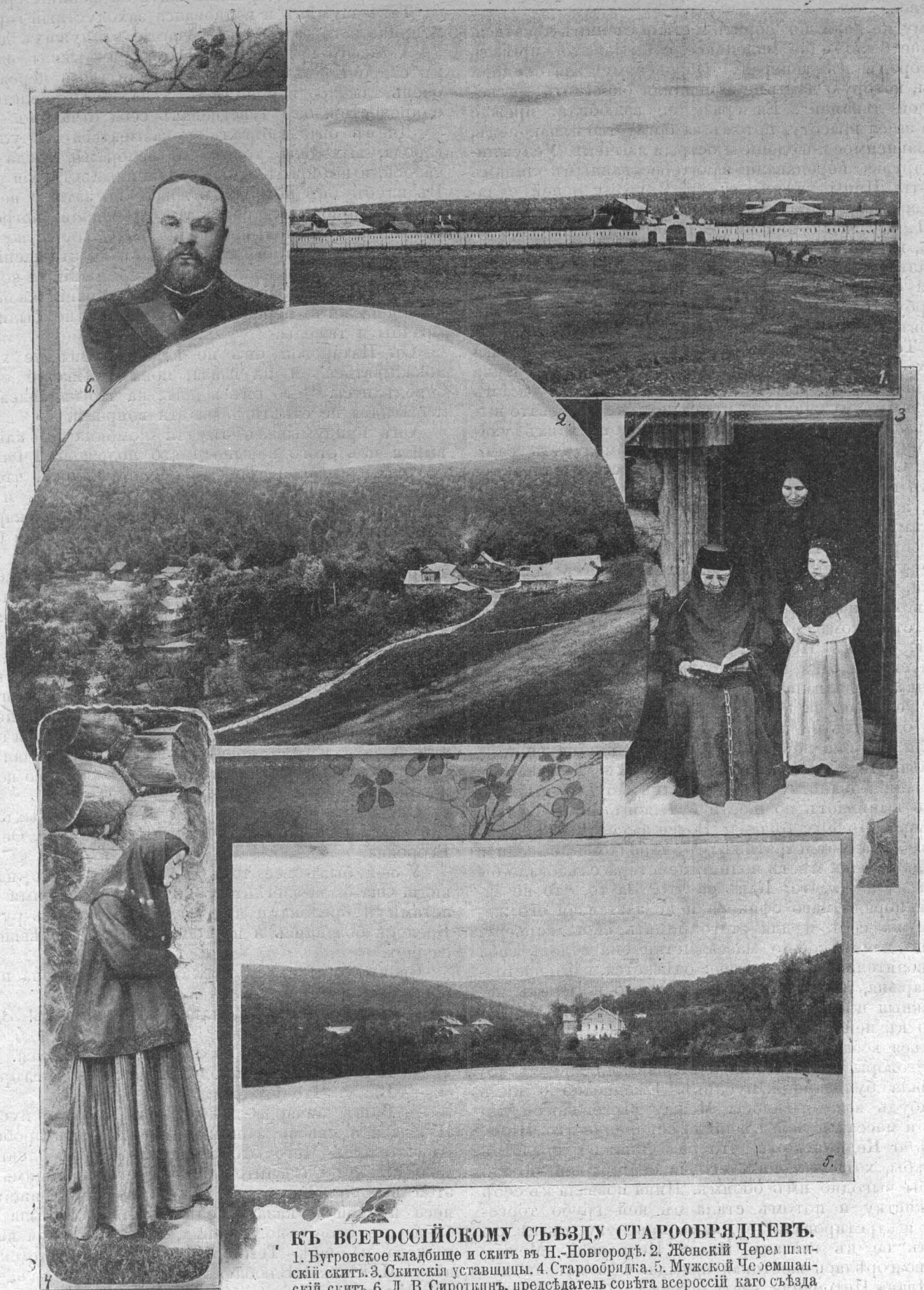
Но, какъ на зло, ничего сенсаціоннаго не происходило въ богоспасаемомъ городкѣ и становилось настоятельной необходимостью что-нибудь выдумать.

Выдумывали въ зависимости отъ изобрѣтательности разсказчика. То вдругъ оказывается, что князь Иракліевъ вызвалъ на дуэль Житковича изъ-за какой-то хористки; но тутъ-же Иракліевъ и Житковичъ въ дружеской, мирной бесѣдѣ проходили мимо создателя легенды о нихъ и присоединялись къ „бульварному комитету“. То вдругъ оказывалось, что маленькая генеральша Верховина бросила своего отставного генерала-мужа и „бѣжала“ съ опереточнымъ теноромъ. Нѣкто, вернувшись изъ сосѣдняго большого города, видѣлъ ее на сценѣ въ короткой юбочкѣ и трико свѣтло-лиловаго цвѣта; она распѣвала съ теноромъ дуэтъ въ опереткѣ „Рука и сердце“. И публика имъ шикала, потому что имъ „обоимъ вмѣстѣ за девяносто лѣтъ“. Но потомъ постепенно выяснялось, съ несокрушимой очевидностью, что маленькая генеральша спокойнѣйшимъ образомъ играла ежедневно въ клубѣ и, забывъ уѣхавшаго ранней весной тенора, увлекается теперь городскимъ головой, что было уже совсѣмъ невѣроятно, потому что городской голова, мирный кругленькій толстякъ, сидѣлъ въ управѣ съ девяти часовъ утра до семи вечера, а съ семи вечера возился дома со своимъ многочисленнымъ потомствомъ, въ то время какъ его супруга, Василиса Сергѣевна, играла въ мушку въ клубѣ.

Единственнымъ событіемъ въ это время былъ отъѣздъ корпуснаго командира, уѣхавшаго въ Петербургъ на покой. Но такъ какъ это было совершенно естественнымъ актомъ служебной жизни, то тутъ и не оказалось ничего интереснаго, кромѣ того, что, по глухотѣ, генералъ на рѣчь начальника области во время даннаго ему прощальнаго обѣда въ клубѣ отвѣчалъ все время невпопадъ, такъ что выходило забавное qui pro quo.

— Позвольте-же отъ лица всѣхъ присутствующихъ, ваше высокопревосходительство, — сказалъ начальникъ области, — выразить вамъ надежду, что нашъ городъ оставитъ въ вашихъ воспоминаніяхъ доброе о себѣ мнѣніе... Заканчивая этой надеждой искреннія пожеланія вамъ всего добраго, всего хорошаго, въ вашемъ дальнѣйшемъ жизненномъ пути, я предлагаю тостъ за нашего милаго, добраго, высокоуважаемаго Ивана Сергѣевича. Я увѣренъ, что грустное чувство, которое мы всѣ читаемъ въ эту минуту въ вашихъ глазахъ, грустное чувство отъ предстоящей разлуки, раздѣляется всѣми нами.

Корпусный командиръ, ничего не слыхавъ, продолжалъ ѣсть, но потомъ, когда увидѣлъ стоящую фигуру начальника области, тоже съ трудомъ поднялся.



КЪ ВСЕРОССІЙСКОМУ СЪѢЗДУ СТАРООБРЯДЦЕВЪ.

1. Бугровское кладбище и скитъ въ Н.-Новгородѣ. 2. Женскій Черемшанскій скитъ. 3. Скитскія уставщицы. 4. Старообрядка. 5. Мужской Черемшанскій скитъ. 6. Д. В. Сироткинъ, предсѣдатель совѣта всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ. По фотогр., доставленнымъ Н. Н. Ольшанскимъ.

— Я очень радъ, очень радъ! — безпомощно проговорилъ онъ, — и я испытываю поистинѣ радостное чувство...

Ему не дали договорить и стали съ нимъ чокаться.

Еще было одно маленькое событіе: это — пріѣздъ въ городъ къ генералу Обровскому златокудрой Нины, которую дамы не замедлили окрестить „рыжеволосой дѣвицей“. Ея сразу не взлюбили: прежде всего за ея красоту, потомъ за богатство и, наконецъ, за независимое поведеніе и острый язычекъ. Услужливые друзья передавали заинтересованнымъ лицамъ остроты Нины на ихъ счетъ. Поэтому о ней судачили наиболѣе продолжительное время и наиболѣе зло. Такъ какъ о ней никто ничего достовѣрнаго не зналъ, кромѣ того, что она — племянница Обровскаго, то стали о ней распускать уже прямо гнусныя сплетни: у нея былъ какой-то непозволительный романъ въ Петербургѣ и она должна была оттуда „бѣжать“ подъ покровъ дяди... если только еще это, въ самомъ дѣлѣ, дядя. Теперь она надѣется словить здѣсь за деньги жениха, чтобы стереть „пятно“. Но такъ какъ Нина довольно пренебрежительно относилась ко всѣмъ областнымъ мужчинамъ, многихъ даже рѣзковато выпучивала и рѣшительно уклонялась отъ всѣхъ ухаживаній, то толки должны были замолкнуть сами собой. Они и замолкли, но отъ этого стало еще скучнѣе въ городѣ.

И, наконецъ, вплотную принялись за Кедринскаго и Натарову. Говорили о его выходѣ въ отставку, о его ссорѣ съ отцомъ. Отецъ у него милліонеръ и давно уже находится въ цѣпкихъ рукахъ авантюристки, молодой и красивой француженки. Она для него покинула сцену и отдалась ухаживанію за больнымъ старикомъ, чтобы ловче прикарманить его состояніе. Иванъ Петровичъ ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы спасти отца, но ничего не могъ сдѣлать. Француженка предлагала ему выждать смерть отца, а потомъ жениться на ней. Такъ какъ онъ съ негодованіемъ отказалъ ей въ этомъ, то она немедленно заставила старика перевести все состояніе на ея имя, а Иванъ Петровичъ остался на бобахъ. Теперь онъ съ отчаянія пьянствуетъ; „говорятъ“, будто онъ ежедневно выпиваетъ по шести бутылокъ вина. Бѣдная Натарова! Почему бѣдная? Вовсе даже нѣтъ! Ее слѣдовало-бы административнымъ порядкомъ выселить изъ города и на мѣстѣ полиціймейстера слѣдовало-бы это сдѣлать. За что? Какъ за что? За то, что не завлекай порядочнаго офицера и не заставляй его жениться на себѣ и для этого ломать свою карьеру. Вообще для какой-то массажистки она ведетъ себя непозволительно вызывающе: одѣвается, какъ настоящая барыня, держитъ себя независимо и деретъ невозможныя цѣны. Нечего сказать, тоже типъ! И что только въ ней нашелъ Кедринскій, чтобы такъ глупо лишиться всего въ жизни?

Разговоры объ этой парочкѣ давали больше всего матеріала бульварной публикѣ. Ежедневно о нихъ что-нибудь выдумывалось. Между рыжеволосой дѣвицей и массажисткой возникло соперничество. Нина, узнавъ о Кедринскомъ, что онъ лишился средствъ и службы, хотѣла женить его на себѣ за деньги. Это было-бы выгодно имъ обоимъ. Нина позвала къ себѣ массажистку и потомъ стала съ ней грубо торговаться и „третировала“ ее, какъ прислугу, съ цѣлью унизить ее въ глазахъ Ивана Петровича. Между ними возгорѣлась жестокая вражда. Обѣ хотѣли купить Ивана Петровича, взять его на хлѣба. „Рыжей“ — это необходимо для очистки пятна, массажисткѣ лестно сдѣлаться дворянкой. Кто побѣдитъ? Иванъ Петровичъ, „какъ дворянинъ“, не можетъ жениться ни на той, ни на другой, потому что онъ теперь на мели; а не можетъ-же дворянинъ жить на женины средства.

Такъ шумѣлъ и волновался захолустный городокъ и принималъ дѣятельное участіе въ чужихъ дѣлахъ.

А въ это время Иванъ Петровичъ жилъ вдали и въ сторонѣ отъ городской жизни. Онъ переживалъ очень тяжелое время. Безъ дѣла, безъ средствъ, въ одиночествѣ, онъ чувствовалъ себя отчаянно.

Днемъ онъ избѣгалъ показываться на улицахъ города, выходилъ только по вечерамъ, когда смеркалось, и выбиралъ самыя отдаленныя и глухія улицы. Въ клубъ онъ не ходилъ вовсе, но зато у него вошло въ привычку посѣщать армянскій погребокъ. Вѣстники бульвара, преувеличивая количество выпиваемаго имъ вина, были правы въ томъ отношеніи, что онъ всегда теперь находился въ состояніи не совсѣмъ трезваго возбужденія. Въ такомъ состояніи жизнь ему казалась легче переносимой и мысли не были такъ мрачны и тяжелы.

Съ Натаровой онъ не видался. Онъ не хотѣлъ показываться ей на глаза, пока положеніе его не опредѣлится. Чего онъ ждалъ, на что надѣялся? Онъ и самъ-бы не отвѣтилъ на эти вопросы.

Онъ придумывалъ тысячи комбинацій, какъ-бы выйти изъ этого невыносимаго положенія. Фантазія его разыгрывалась. То ему представлялось, что онъ найдетъ на улицѣ крупную сумму денегъ и присвоитъ ее себѣ; то вдругъ ему рисовалась картина, какъ къ нему явится какой-нибудь невѣдомый благодѣтель и предложитъ блестящее мѣсто. Но когда угаръ опьяненія уходилъ, то картины становились мрачнѣе и мечты безнадежнѣе. Вотъ онъ окончательно всѣми забытъ. Послѣднія деньги пришли къ концу, а жить и ѣсть надо... И пить, главное, пить. Вотъ онъ опускается все ниже и ниже; внѣшній видъ его становится запущеннымъ, неприличнымъ. И, въ концѣ концовъ, онъ видитъ себя въ круглой башнѣ, въ такъ называемой „башнѣ голода“, находящейся за городомъ, за армянскимъ базаромъ, гдѣ ютятся городскіе босяки. Ему становилось жутко и онъ гналъ отъ себя эти мысли, но мысли упорно и назойливо возвращались къ нему.

Однажды вечеромъ, среди этихъ мрачныхъ картинъ и размышленій, вдругъ явилась къ нему Ѳедосья Егоровна.

У нея былъ все тотъ-же жизнерадостно-наглый видъ. Она была элегантно одѣта, съ гремящими браслетами и брелоками на толстыхъ красныхъ рукахъ. Брелоки болтались и на толстой цѣпи, висѣвшей на ея шеѣ.

Своимъ обычнымъ, рѣзкимъ голосомъ она поздоровалась съ нимъ:

— Экъ вы куда забились, Аника-воинъ! Здравствуйте! Въ мерехлюндіи?

Онъ удивленно и сухо съ ней поздоровался.

— А я къ вамъ! — продолжала Ѳедосья Егоровна.

— Вижу. Что угодно?

— Вашъ личарда-денщикъ не хотѣлъ пускать. Ну, да я и сквозь защищаемую крѣпость пробьюсь. Абизательно! Чего это вы киснете? Влюблены въ мою Юльку? Слушайте-ка! Я ничего не понимаю въ этой исторіи. Какъ это можно любить женщину и носа къ ней не казать недѣлю? Я, когда была влюблена въ своего полковника, такъ все время висѣла у него на шеѣ. Темперамента у васъ настоящаго нѣту! И Юлька! Влюблена въ васъ и киснетъ. Чего вы? Ну, вы не идете къ ней, такъ она приди. А то что это такое? Влюблены, а сидятъ по угламъ. Глупо! И трата времени напрасная. Сколько вы его зря-то убиваете?

Кедринскій круто прервалъ ее.

— Вы отъ Юли?—спросилъ онъ, сдвинувъ брови.

— Нѣтъ, я сама отъ себя. Слушайте-ка! Полно вамъ комедію-то эту разыгрывать! Ладно, ладно! Я не боюсь вашихъ грозныхъ бровей, можете не играть ими. А я вамъ вотъ что скажу: жалко мнѣ смотрѣть на Юльку-то, лица на ней нѣтъ въ послѣднее время. Блѣдная, худая, плачетъ. Я—мать! Что вы кривите-то улыбку? Я—мать!—горячѣе заговорила она,—и мнѣ жалко, во—какъ жалко дочурку.

И вдругъ коротенькая спазма сжала ея горло и въ голосѣ послышалась слеза.

Это было такъ неожиданно! Иванъ Петровичъ съ недовольствомъ и недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ѳедосью Егоровну: онъ никакъ не ожидалъ отъ нея этого. Но это было такъ, она плакала.

— Что вы на меня глаза пялите?—сердито проговорила она,—что я плачу? Такъ развѣ я не могу плакать, когда мнѣ больно? Что выдумали! Всѣ на меня стали коситься—молъ, портниха, мѣщанка и вздумала дочь выдавать за офицера. А я-то тутъ причемъ? И что-жъ такое, что Юля—незаконная и массажистка? И что-жъ такое, что я—портниха? А вы—за ними.

— Какъ за ними?—удивился онъ.

— Да какъ-же! Смутили дѣвушку, нарушили покой, а теперь на попятный? Что вы скрылись-то въ этой берлогѣ?

Ѳедосья Егоровна уже перестала плакать, вытерла глаза и начала говорить въ своемъ прежнемъ, рѣзко-вульгарномъ тонѣ:

— Стыдно стало? Эхъ, вы! Не мужчина вы, а кисляй. Испугались рѣчей нашихъ дамочекъ! Такъ тогда нечего было и лѣзть на рожонъ. Это не по-благородному...

— Позвольте...

— Ничего не позволю! Сдѣлали вы ей предложеніе? Сдѣлали,—отвѣтила она за него.—Объяснились въ любви? Объяснились. Ну, такъ и женитесь. Это является абизательнымъ для кажнаго порядочнаго человѣка.

— А я развѣ говорилъ противное?—возразилъ Кедринскій.—Я жду.

— Чего?—фыркнула она.

— Жду мѣста, работы. Это вамъ непонятно.

— Непонятно. Для чего?

— Чтобы не сѣсть ей на шею.

— Чушь какая! Благородныя отговорки. Юлька зарабатываетъ много, всегда хватитъ на двоихъ.

— Вѣрно. Но вотъ этого-то я и не хочу.

— Чушь, чушь! Кто любитъ, тотъ не разсуждаетъ. Я любила, я знаю, что значитъ люб ть. Тогда только и думаешь о любви, о свиданіяхъ, о хорошихъ словахъ и ни о чемъ больше.

— Вы—женщина.

— Это все равно! Что мужчина, что женщина—человѣкъ.

(Окончаніе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Среди цвѣтовъ. (Къ рис. на стр. 1441.) На поляхъ давно уже бѣлымъ покрываломъ лежитъ снѣгъ, городскія улицы также покрыты снѣгомъ. Деревья голы. Все такъ тоскливо и грустно. А здѣсь, въ зимнемъ саду, такъ хорошо! Здѣсь пахнетъ лѣтомъ, среди цвѣтовъ, распустившихся въ теплицѣ. Сюда не заносится морозный воздухъ, здѣсь уютно, здѣсь можно отдохнуть и, любуясь цвѣтами, вспомнить лѣто, забывши, что на улицѣ бушуетъ вьюга и снѣгъ кружитъ въ воздухѣ и большими клочьями падаетъ на землю.

Въ трудную пору. (Къ рис. на стр. 1447.) То засуха, то градовыя бури уничтожили весь хлѣбъ на поляхъ, уничтожили траву—и крестьянскій скотъ остался на зиму безъ соломы и сѣна. Для крестьянъ настала трудная пора. Кормить скотъ нечѣмъ и его, голоднаго, выгоняютъ на оголенныя поля. Напрасно бродитъ лошадь съ жеребенкомъ по полю, отыскивая среди покрытаго тонкимъ слоемъ снѣга поля зелень. Ея нѣтъ. Наконецъ, жеребенокъ не выдерживаетъ, его тонкія ноги подкашиваются и онъ падаетъ. Печально смотритъ на своего дѣтеныша лошадь и жалобно ржетъ. Да, трудная пора для крестьянскаго скота, когда для него нѣтъ ни соломы, ни сѣна.

Спасеніе погибающихъ. (Къ рис. на стр. 1449.) Буря разыгралась. Огромныя волны съ шумомъ поднимаютъ свои бѣлые гребни и, разсыпаясь на тысячи брызгъ, падаютъ въ черную бездну. Вѣтеръ реветъ и свиститъ среди мачтъ и снастей парохода, который, какъ щепку, бросаютъ волны, перекатываясь черезъ его палубу. Борта парохода трещатъ и, наконецъ, онъ, не выдерживаетъ бѣшенаго натиска разыгравшейся стихіи,—корма парохода разбита и онъ медленно началъ погружаться въ бушующія воды. Матросы прыгаютъ въ море, хватаясь за обломки погибающаго судна, торопливо спускаютъ шлюпки и на этихъ утлыхъ суденышкахъ борются теперь съ бурею. Спасенные на шлюпкѣ, будучи сами въ опасности, замѣтили на обломкѣ мачты своего товарища и, забывъ опасность, спасаютъ его, бросивъ ему пробковый кругъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, успѣетъ-ли спасаемый ухватиться за кругъ. Если успѣетъ, то будетъ спасенъ, если-же нѣтъ—черныя воды поглотятъ несчастнаго.

Кабаны на волѣ. (Къ рис. на стр. 1455.) Вышли изъ своихъ темныхъ дебрей кабаны на опушку лѣса, къ болоту, чтобы выкупаться въ его мутныхъ водахъ. Боязливыя всегда, теперь эти животныя инстинктивно чувствуютъ, что имъ не грозитъ бѣда, и безпечно бродятъ по опушкѣ. Кабаны чувствуютъ себя на свободѣ и, несмотря на свою неуклюжесть по-своему рѣзвятся и играютъ. Долго-долго слышно отрывистое хрюканье кабановъ, слышатся плескъ мутныхъ водъ болота да поскрипыванье дерева, о которое чешется одинъ изъ кабановъ.

Наполеонъ послѣ битвы при Ватерлоо. (Къ рис. на стр. 1457.) Вырвавшійся съ острова Эльбы Наполеонъ снова возвратился во Францію. Принятый французами съ энтузіазмомъ, великій императоръ быстро сформировалъ войско и двинулся съ нимъ въ Бельгію, гдѣ разбилъ пруссаковъ; затѣмъ онъ пошелъ навстрѣчу союзникамъ и 18-го іюня 1815 года встрѣтился на поляхъ Ватерлоо съ Веллингтономъ. Въ началѣ битвы положеніе Веллингтона было сомнительнымъ, но къ нему во-время на выручку подошелъ со своими войсками Блюхеръ, и судьба сраженія была рѣшена. Армія Наполеона была разбита. Хмурый, удрученный проиграннымъ сраженіемъ, Наполеонъ поспѣшилъ въ Парижъ, но здѣсь его приняли холодно и предложили отречься отъ престола. Битва при Ватерлоо рѣшила судьбу завоевателя. Отправляясь послѣ отреченія отъ престола въ Рошфоръ, Наполеонъ сѣлъ на англійскій пароходъ «Беллерофонъ», но англичане обманомъ завладѣли павшимъ императоромъ и отвезли его на островъ святой Елены, гдѣ Наполеонъ и прожилъ остатки дней своихъ.

Старообрядцы. (Къ рис. на стр. 1465.) Помѣщая въ настоящемъ номерѣ журнала статью о съѣздѣ старообрядцевъ, находимъ не лишнимъ дать читателямъ въ иллюстраціяхъ, понятіе объ этихъ людяхъ, соблюдающихъ «древнее благочестіе». На рисункѣ первомъ изображены «Бугровское кладбище и скитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ». И то, и другой основаны извѣстнымъ въ Поволжьѣ богачемъ Бугровымъ. Рисунки второй и пятый изображаютъ женскій и мужской Черемшанскіе скиты, расположенные въ Хвалынскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, въ шести верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ мужскомъ Черемшанскомъ скитѣ имѣетъ мѣстопребываніе старообрядческій архіерей. Рисунки третій и четвертый даютъ понятіе о типахъ старообрядокъ. На первомъ—скитскія уставщицы, а на послѣднемъ—старообрядка-мирянка. Рисунокъ шестой изображаетъ Д. В. Сироткина, въ домѣ котораго происходили засѣданія всероссійскаго съѣзда старообрядцевъ. Д. В. считается однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ Поволжья.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СКРИПКИ

въ 2 р., 3 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к. 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. и дороже. САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб. САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

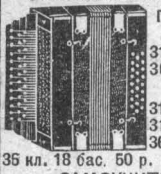
Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы мѣха обиты метал. 2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА 11 р. 13 р. 15 р. 8 бас. 10 бас. 12 бас. СТАЛЬНЫЕ голоса 16 р. 20 р. 24 р. 8 бас. 10 бас. 12 бас. и дороже. САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ съ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ углы мѣха обиты металломъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА 31 кл. 12 бас. 26 руб. 36 кл. 12 бас. 30 руб. СТАЛЬНЫЕ голоса 31 кл. 12 бас. 35 руб. 31 кл. 18 бас. 42 руб. 36 кл. 12 бас. 42 руб. 36 кл. 18 бас. 50 р. 36 кл. 24 бас. 65 р. САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА 11, 12, 13 р. 50 к., 15 р. СТАЛЬНЫЕ голоса 17, 20, 23, и 28 руб. ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб. Стальные голоса 30 руб. САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ, Москва, Срѣтенка.

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.

Прейсъ-курантъ безплатно.

Сенсаціонная новость!

АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ

кто желаетъ имѣть, вмѣсто красныхъ и морщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее безвредное

БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА

ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА

Savon Brésilien da-Costa.

Rio-de-Janeiro. — Paris. — Londres.

МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.

Неподдѣльныя коробки снабжены маркой „Звѣзда“, какъ на рисункѣ, и заклеены бандеролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.

Коробка 75 к. — Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 10 к., 3 кор. 2 р. 85 к.; 6 кор. 5 р. 10 к. — Русскія описанія безплатно.

ВЫПИСЫВАЙТЕ ИЗЪ ГЛАВНАГО СКЛАДА

Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ, С.-Петербургъ, Владимірская, 3.

VELOUTINE CH. FAY

ЗНАМЕНИТѢЙШАЯ РИСОВАЯ ПУДРА

коробки пудры ВЕЛУТИНЪ, не имѣющія пломбы русской таможни, должны считаться поддѣльными.

Изящная Новость. ROYAL VELOUTINE

CONSTIPATION

PILULES DE CASCARA MIDY

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО ОТЪ ОБЫЧН. ЗАПОРА

Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.

Не производитъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ

ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО Молодости.

А. СІУ и К°. МОСКВА. 20 коп. кус.

скрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.

СКЛАДЪ и ФАБРИКА

ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ С^МИ

С.-Петербургъ, Садовая, № 38.

Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 213

органы ✻ граммофоны

цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

Сгущенное • МОЛОКО НЕСТЛЕ.

НЕБЫВАЛО ДЕШЕВО!!!

Только за 4 руб. 75 коп., а высш. сорта — 5 руб. 25 коп. и 5 руб. 75 коп. высылаемъ 15 нижеслѣдующихъ необходимыхъ предметовъ: 1) мужскіе или дамскіе часы черные вороненой стали или никкелевые, съ заводомъ безъ ключа; 2) цѣпочку новаго золота или никкелевую, а къ дамскимъ часикамъ шейную модную цѣпочку новаго золота; 3-8) шесть брелоковъ къ мужской цѣпочкѣ, новаго золота; 9) изящное кольцо настоящаго золота 56 пр. или хорошій модный портсигаръ, или-же пару золотыхъ серегъ 56 пр. (стоящіе въ отдѣльной продажѣ по 2 руб. 50 коп.); 10) кожаное портмонэ заграничной выдѣлки съ 7-ью отдѣленіями, съ механическимъ замкомъ для каучуковаго штемпеля; 11) каучуковый штемпель съ именемъ, отчествомъ и фамиліей заказчика; 12) флакончикъ краски для штемпеля; 13) изящный карман. ножикъ англійской стали; 14) мундштукъ-аппаратъ д-ра Коха и 15) модную спичечницу. Всѣ эти предметы съ глухими (крытыми) часами — на одинъ руб. дороже. Часы высылаются провѣренные, съ письменнымъ ручательствомъ на 7 лѣтъ. Требованія высылаются немедленно наложеннымъ платежомъ и безъ задатка. 437

Адресовать: торговой фирмѣ Ш. БИТКЕРЪ, Варшава, Великая, 27а.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Превосходное мыло ВЕРА-ВІОЛЕТТА

но только

С.-Петербургской ТЕХНО-Химической лабораторіи.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Лиговская, 123. — Продается вездѣ. 490

ВМѢСТО 25 РУБ.

только за 8 р. 75 к. высылаемъ нал. платежомъ безъ задатка, изящн. и проч. карман. мужск. откр. часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣкъ“ ● не позолоченные ● заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 р. Такіе-же глухіе съ 3-мя крышками — цѣна 6 р. б. Дамскіе глухіе — цѣна 7 р. Адресовать: Въ главный складъ часовъ Т-ва Таванъ, Варшава, Лешно, 22. Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же мет лла и брелокъ. P. S. Премія: при заказѣ 5-ти штукъ часовъ сразу прилагаются 1 часы безплатно. 524

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го: безъ приложеній — 15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ 773

В. ГЕНА въ ВѢНѢ

изъ грецкихъ орѣховъ.

Безвредное и вѣрное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно и свѣтлокаштанов. цвѣта. Цѣна за флаконъ 3 рубл съ пересыл. Главный складъ для Россіи Спб. ТЕХНО-химической лабораторіи въ С.-Петербургѣ, Лиговская, № 123.

Красное Солнышко.

Керосино-калильное освѣщеніе, безъ сѣтокъ Ауэра, пріятное и яркое, 50% экономіи керосина. Полная горѣлка со спеціальнымъ стекломъ и фитилемъ высылается почтой за 2 руб. 50 коп. Техн. контора Керберъ, Сумы, Харьк. губ. 485

КАРАМЕЛЬ

ИЗЪ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ „КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЬ. С.-Петербургъ, Гороховая, 33. Цѣна метал. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

Дозволено цензурою. Спб., 5-го ноября 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал reduktorer rutracker.org

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

Сканировал redukterer rutracker.org

НЕ БѢГАЙТЕ НА ЛЫЖАХЪ

безъ норвеж. пяточн. ремней и безъ патент. лыжныхъ рѣзцовъ. Легкій и элегант. бѣгъ! Испытаніе безпл. **НОВОСТЬ:** патент. лыжные паруса для лавировки на лыжахъ по снѣгу. Испыт. безпл.—Спец. складъ лыжъ К. Кометса, СПбургъ, Ждановская улица, 10. Наставл. и пр.-кур. безпл. Нов. книга: „Лыжный и лыжно-парусный спортъ“ К. Кометса, 56 рис., ц. 40 к., съ пер. 63 к. 560

КАШЕЛЬ и ОХРИПЛОСТЬ 501

суть непріятныя: ослѣдствія холодной погоды, которой мы такъ часто подвержены. Кто желаетъ избавиться отъ несносной простуды, долженъ лечиться **Настоящими Файскими Соденскими Минеральными Лепешками**, изготовляемыми подъ руководствомъ врачей изъ знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ курорта Соденъ у Таунуса, посредствомъ которыхъ достигаются блестящіе результаты. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные благодарственные отзывы, какъ и проданныя до сихъ поръ 10.000.000 коробокъ. Лепешки получаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ по 70 к. за коробку. Главное депо: Поставщики Двора Штоль и Шмидтъ въ С.-Петербургѣ. Правленіе для Россіи: Ф. Шарффъ, Варшава, Королевская, 18.

НОВѢЙШІЯ и **ИЗЯЩНѢЙШІЯ** 723

коллекціи для елокъ въ

2 р. 95 к., 5 р., 10 р. и дороже.

Особенное вниманіе обращая на чудно составленныя коллекціи въ **2 р. 95 к., 5 р. и 10 р.** которыя всѣхъ поражаютъ своею изящностью, полностью и дешевизною, можно только удивиться, какъ можно дать такъ много за такія небольшія деньги. Перес. налож. платеж.

Телеграм. исполн. немедленно. **Базаръ Марокъ,** С.-Петерб., Невск., 29, кв. 9.

СЪ ОТКРЫТІЕМЪ ОСЕННЯГО И ЗИМНЯГО СЕЗОНОВЪ 1905—6 гг.

Фирма С. РУБАШКИНА въ Лодзи

высылаетъ по фабричнымъ цѣнамъ, принимая на свой счетъ упаковку и пересылку по почтѣ, въ розницу, скоро и аккуратно, новѣйшіе мануфактурные товары и готовое платье производства собственныхъ мастерскихъ.

Для дамъ.

№ 153. За 11 руб. Готовая роскошная зимняя или осенняя длинная **пелерина** (накидка-ротонда), изъ новѣйшаго пушистаго моднаго **драпа съ сѣдиной**, съ красивой клѣтчатой подкладкой, со стоячимъ или отложнымъ воротникомъ, шитая по послѣдней парижской модѣ. Роскошная отдѣлка съ суконной аппликаціей. **Цвѣта драпа:** черный-маренго, свѣтло-сѣрый, синій, бордо, шоколадный.

№ 154. За 13 руб. Такія-же **пелерины** изъ новѣйш. драпа **англійск. вкуса**, темно-сѣр. цвѣта, съ **крупными сѣдыми искрами могер. шерсти**.

№ 173. За 7 руб. Нарядная и въ высшей степени элегантная **верхняя** дамская **готовая юбка** для гулянья, на подкладкѣ изъ саржи, изготовленная изъ матеріи **„сатинъ-шевіотъ“**, отличающейся практичностью, цвѣта: черный, синій, темно-синій, бордо, коричневый, оливковый, стальной и песочный.

№ 176. За 3 р. 75 к. Элегантн. **нижняя юбка** изъ матеріи **„морэ“** съ воланами, украшенными затѣйливыми узорами изъ ленточекъ, разныхъ цвѣтовъ, какъ-то: черный, темно- и свѣтло-синій, темно- и свѣтло-зелен., бордо, малинов., фрезъ, коричневый, шоколадный, лиловый и мн. др.

№ 21. За 5 р. 20 к. Отрѣзъ въ 8 арш. для цѣлаго дамскаго платья черной матеріи, тканной шерстью **„могеръ“**, отличающейся своимъ шелков. блескомъ. За отрѣзъ въ 5 аршинъ для юбки 3 р. 25 к.

№ 22. За 5 р. 25 к. Отрѣзъ въ 8 арш. дамской шерстяной матеріи съ сѣдиной **„гамспонъ“**, весьма практичной для модныхъ элегантныхъ костюмовъ, цвѣта: черный, маренго, бордо, шоколадный, синій и фрезъ. За отрѣзъ въ 5 арш. для юбки 3 р. 30 к.

№ 25. За 5 р. 50 к. Отрѣзъ въ 8 арш. для цѣлаго дамскаго платья новѣйшей гладкой и весьма практичной ткани **„сатинъ - шевіотъ“**, тканной изъ чистой шерсти. „Шевіотъ“ **безъ примѣси**, цвѣта: черный, синій, бордо, коричнев., стальной, оливков., песочн. и цвѣтъ башни Эйфеля. За отрѣзъ въ 5 арш. для юбки 3 р. 40 к.

Матерія, обозначенная подъ № 25, вполнѣ пригодна для ученицъ всѣхъ учебныхъ заведеній и продается по 70 коп. за аршинъ.

№ 29. За 8 руб. Отрѣзъ въ 8 арш. для цѣлаго дамскаго платья **черной матеріи „сатинъ могеръ“**; гладкая ткань, ткан. шерстью „могеръ“, отличающейся своимъ шелковистымъ блескомъ. За отрѣзъ въ 5 арш. для юбки 5 руб.

№ 46. Большой зимній **платокъ**, тканный легкой и пушистой шерстью, кругомъ самородная (не пришивная) бахрома, цвѣта: сѣрый или шоколадный, съ каймой или гладкій безъ каймы; по 3 р. 40 к., 4 р. 90 к. и 6 р. 50 за платокъ.

№ 54. За 5 р. 50 коп. Пара большихъ теплыхъ **одѣялъ**, тканныхъ изящными узорами разныхъ цвѣтовъ.

№ 57. За 12 руб. Пара большихъ теплыхъ **шелковыхъ одѣялъ**, заграничнаго производства. Новый и роскошный предметъ. Узоры въ стиляхъ „сецессія“, „декадентскомъ“ и „модернъ“ различныхъ цвѣтовъ.

Для мужчинъ.

№ 182. За 13 руб. Готовый элегантный и солидный мужской **пиджачный костюмъ** (однобортный или двухбортный), сшитый изъ практичнаго и прочнаго **„трико-шевіотъ“**, цвѣтовъ: чернаго, темно-синяго, коричневаго, оливковаго, или изъ трико **англійскаго** вкуса, цвѣта: черный съ бѣлыми искрами, коричневый съ бѣлыми искрами и оливков. съ бѣлыми искрами.

№ 183. За 17 руб. Такой-же **костюмъ**, сшитый изъ весьма прочнаго **высшаго** сорта **„трико-шевіотъ“**, тѣхъ-же цвѣтовъ, или-же изъ „трико-фуль“ (послѣдняя новость), цвѣта чернаго съ бѣлыми крапинками.

№ 184. За 20 руб. Солидный изящный **костюмъ** изъ **лучшаго шерст. шевіота**, или **трико** самой лучшей выдѣлки, цвѣтовъ: чернаго, темно-син., маренго или чернаго съ бѣлой искрой.

Примѣчаніе: По желанію могутъ быть заказаны въ отдѣльности: брюки съ жилетомъ и пиджаки по соотвѣтственнымъ цѣнамъ.

№ 198. За 20 руб. Зимнее или осенее **пальто** (одно- или двухбортное), шитое по послѣдней модѣ, изъ **драпа**, цвѣтовъ: чернаго, темно-синяго и темно-сѣраго (маренго) на теплой шерстяной подкладкѣ.

№ 199. За 24 руб. Такое-же **пальто**, тѣхъ-же цвѣт, изъ **драпа** и подкладки лучш. качества.

№ 194. За 10 руб. Готовая двухбортная **тужурка-„куртка“** для зимы и осени, необходимая для всякаго приказчика въ имѣніяхъ, въ лавкахъ, для сельскихъ хозяевъ, изъ хорошаго пушистаго **верблюжьяго драпа** на подкладкѣ, цвѣтовъ: настоящаго верблюжьяго (желтаго), сѣраго и буро-коричневаго.

При заказѣ просимъ обозначить **мѣру въ сантиметрахъ** *или вершк. Для* **пиджака:** *1/ длину сзади, 2/ ширину спинки между швами рукавовъ, 3/ длину рукава по заднему шву отъ плеча черезъ локоть до кисти, 4/ объемъ груди подъ мышками и 5/ объемъ таліи. Для* **брюкъ:** *1/ объемъ пояса, 2/ длину отъ пояса до конца, 3/ длину въ шагу. Для* **жилета:** *длину его отъ шва на плеч. вдоль груди. Для* **пальто:** *1/ длину сзади, 2/ ширину спинки между швами рукавовъ, 3/ длину рукава по заднему шву черезъ локоть, 4/ объемъ груди подъ мышками на пиджакъ и 5/ объемъ таліи.*

№ 105. За 5 р. 50 к. Отрѣзъ въ $4^1/_4$ арш. шерстяной матеріи **„послѣдняя новинка сезона“**, тканной чернымъ съ бѣлымъ. — Отрѣзъ той-же матеріи въ 2 арш. 2 верш. для пиджака или панталонъ и жилета 2 р. 95 к.

№ 106 За 6 р. 60 к. Отрѣзъ въ $4^1/_4$ арш. очень практичной, элегантной чисто-шерстяной матеріи **„трико-шевіотъ“** для солиднаго мужского костюма, цвѣта: черный, темно-синій, коричневый и оливковый. Отрѣзъ той-же матеріи въ 2 арш. 2 верш. 3 р. 50 к.

№ 107. За 9 руб. Отрѣзъ въ $4^1/_4$ арш. для цѣлаго костюма **„трико-шевіотъ“**, сортъ **прима**, высшаго качества.—Отрѣзъ въ 2 арш. 2 верш. 4 р. 50 к Цвѣта: черный, маренго, черно-синій, коричневый и оливковый

№ 111. За 12 руб. 50 коп. Отрѣзъ въ $4^1/_4$ арш. трико **„Ливадія“** для изящнаго костюма, цвѣта: черный, маренго, синій, коричневый и оливковый, или-же черный съ бѣлыми, красными и оливковыми крапинками. За **отрѣзъ для брюкъ и жилета** въ 2 арш. 2 верш. 6 р. 25 к.

№ 113. **Брючная** матерія, въ полоскахъ, темно-сѣр., свѣтло-сѣр., темно-син. или черн. цвѣта, за отрѣзъ 1 арш. 10 верш. по 3 р. и 5 руб.

№ 117. За 7 р. 50 к. Отрѣзъ для брюкъ въ 1 арш. 10 верш. **„Діагональ“**, сукно для брюкъ, выработка діагональю (рельефныя полоски), очень крѣпкая и прочная матерія, цвѣта: черный, темно-синій и свѣтло-синій.

№ 122. **„Ученическое сукно“**, цвѣта, черный, маренго, темно-сѣрый и свѣтло-сѣрый, шир. около $^{30}/_{32}$ верш.; за аршинъ по 1 р. 15 к., 1 р. 50 к. и 1 р. 75 коп.

№ 118. **„Сукно-крепъ“**—гладкая креповая ткань чернаго цвѣта, изъ чистой гребенной шерсти безъ примѣси, для праздничнаго **сюртучнаго костюма**, за арш. по 2 р. 75 к и 3 р. 50 к.

№ 124. **„Драпъ“** для осеннихъ или зимнихъ мужскихъ и дѣтскихъ **пальто**, цвѣта: черный, черно-маренго, черно-синій, синій, коричневый, оливковый, цѣна за аршинъ по 2 р. 60 к., 3 р. 90 к. и 5 р. 50 к.

Бѣлье.

Примѣчаніе: Условія высылки нижеобозначенныхъ тканей для бѣлья назначаются наравнѣ съ прочими товарами нашей экспедиціи, т. е., упаковка и пересылка по почтѣ въ Европейскую Россію за счетъ фирмы.

№ 255. За 5 руб. кусокъ въ 25 арш. длины **„англійскаго полотна“**, превосходящ. въ употребленіи чисто-льняное полотно. Отличается своей выдающейся прочностью. Ширина 20 верш. Настоящее полотно годно какъ для мужского, такъ и для дамскаго бѣлья.

№ 256. За 5 р. 50 к. кусокъ въ 25 арш. длины **„голландскаго полотна“**—тонкое полотно, замѣняющее дорогое чисто-льняное полотно. Употребляется для рубахъ, наволокъ, кофточекъ и. т. п. Ширина около 20 верш.

№ 257. За 5 р. 50 к. кусокъ въ 25 арш. длины **„мадаполамъ“**—спеціальн. ткань для всевозможн. бѣлья, наволокъ, кофточекъ и. т. п. Отличается необыкновен. бѣлизной и практичн.

№ 258. За 7 р. 25 к. кусокъ въ 25 арш. длины **„мадаполамъ-экстра“**—самая тонкая ткань.

Ширина всѣхъ тканей 20 верш.

№ 259. За 6 р. 75 к. кусокъ въ 24 арш. длины **настоящаго жирардовскаго „тирольскаго холста“** для мужского и дамскаго бѣлья, около 20 верш. ширины, отличающагося тонкостью, элегантностью и искусной выдѣлкой.

№ 260. За 5 р. 50 к. кусокъ въ 24 арш. длины **бѣлой ткани въ зигзагахъ**, отличающейся своей особенной прочностью; спеціальная ткань для **мужскихъ кальсонъ** шириной около 18 верш.

№ 263. За 6 р. 25 к. шесть штукъ **простыней** гладкихъ бѣлыхъ, шириной около 2 арш., длиной около 3 арш.

№ 264. За 6 р. 50 к. шесть штукъ **простыней** съ красными или синими каймами шириной около 2 арш., длиной около 3 арш.

№ 265. За 1 р. 25 к. дюжину **батист. бѣлыхъ носов. платковъ**.

№ 271. За 75 к. дюжину **дѣтскихъ носовыхъ платковъ** съ богат. рисунк. изъ дѣтской жизни.

№ 272. За 5 р. 50 к. дюжину полотенецъ бѣлыхъ, тканныхъ узорами, длина полотенца 2 арш., шир. 12 верш.

№ 292. За 2 р. 25 к. дюжину **салфетокъ** $^5/_4$ столовыхъ бѣлыхъ, тканныхъ узорами.

№ 134. За 1 р. 50 к. дюжину **кофейныхъ** салфетокъ $^4/_4$ съ бахромой.

№ 135. За 1 р. 50 к. **скатерть** столовая $^{12}/_4$, тканная узорами.

Условія высылки товара

Заказы исполняются немедленно, аккуратно и безъ всякаго задатка. Упаковка и пересылка по почтѣ за счетъ фирмы; наложеннымъ платежомъ присчитывается 1 коп. съ каждаго рубля стоимости заказа (почтов. такса). За пересылку въ Западную Сибирь и Туркестанскій Край присчитывается 5%, а въ Восточную Сибирь 10%.

Безъ всякаго риска! Не понравившееся принимается обратно для обмѣна на другой товаръ или возвращаются деньги.

Требованія просимъ адресовать:

С. РУБАШКИНУ, Лодзь.

СКРИПКИ

Для учениковъ въ 6, 8, 10, 12, 15 и 20 р.
Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 и дороже до 1.000 руб.
Народныя скрипки въ 2, 3 и 4 руб.

СМЫЧКИ

Для учениковъ 1, 1½ и 2 руб.
Для артистовъ 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.
Народные въ 50 к.

ГИТАРЫ

дешевые сорта въ 3 и 5 руб., съ механизмомъ для струнъ въ 5, 6, 7, 10, 15 и 20 р., особенно хорош. тона въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.

МАНДОЛИНЫ

итальянской работы очень хорошаго тона въ 22, 30, 50, 75, 100, 125 руб.; болѣе дешевые сорта нѣмецкой работы въ 4 и 6 руб., итальянской — въ 8, 12 и 15 руб.

БАЛАЛАЙКИ

съ проверенными ладами, очень хорошаго тона и работы 5, 6, 7, 10, 15, 20, 35 р. и дороже, дешевые сорта 1½, 2, 3 и 4 руб.

Цитры 8, 10, 12, 15, 20, 30, 40, 60, 80, 100 и дор., народныя 4, 6, 7½, 8, 14, 25 и 35 р.
Домры въ большомъ выборѣ на разныя цѣны.

КОРНЕТЫ

Для учениковъ въ 12 и 15 руб.
Для игры въ оркестрѣ въ 18, 22, 25 и 30 руб.
Для солистовъ (собств. фабр.) въ 40, 50, 60, 75 руб. и дороже.
Другіе оркестровые инструменты въ большомъ выборѣ.

ФЛЕЙТЫ

Для учениковъ въ 8, 12, 18 руб.
Для любителей и оркестровъ въ 25, 35, 40 руб.
Для солистовъ (собств. фабрики) въ 50, 60, 75 р. Модель „Циммермана“, находящаяся въ употребленіи у выдающихся артистовъ въ Россіи и за границей— 85, 120 и 250 руб.

По полученіи задатка, приблизит. ⅓ стоимости заказа, высылаю требуемое съ налож. платежомъ на остальную сумму. Прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ. 542

С.-Петербургъ, Морская, 34.—**Москва,** Кузнецкій мостъ.—**Рига,** Купеческая, 9.

Волосы,

уходъ за ними, болѣзни и леченіе съ помощью Элеопата Пров. Кинунена. Популярная брошюра д-ра медицины Ю. Э. Фриллендера. Высылается желающимъ безплатно изъ главнаго склада Элеопата Пров. Кинунена: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13. 365

СПЕЦІАЛЬНОЕ МЫЛО ДЛЯ УХОДА ЗА ГЛАЗАМИ

продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ.

Главный складъ:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гороховая, 33,
Торгов. Домъ „АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ“.
Для Привислинск. и Сѣв.-Западн. края:
ГЕРШОНЪ ЛУРЬИ—ДВИНСКЪ.

48 ПИЛЮЛЬ АРА **95** КОП.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

Представитель для всей Россіи:
Рич. Пето.
С.-Петербургъ, Караванная, д. № 16, кв. 9

АНГЛІЙСКІЙ ШЕВІОТЪ!!

Очень прочная, практичная матерія для элегантнаго и солиднаго мужского костюма. Цвѣтъ фона черный, затканный новомодными сѣрыми искрами. Высылается отрѣзами въ 4¼ арш. для цѣлаго костюма за 5 р. 10 к. При высылкѣ трехъ или болѣе отрѣзовъ прилагается въ видѣ преміи требуемая къ нимъ подкладка

БЕЗПЛАТНО.

Упаковка за счетъ Т-ва. Пересылку уплачиваетъ заказчикъ, при требованіи наложеннымъ платежомъ. **При полученіи-же Товариществомъ денегъ вмѣстѣ съ заказомъ товаръ высылается по почтѣ безъ всякихъ расходовъ для заказчика.** Требованія просимъ адресовать: г. **Лодзь,** на фабрику камвольныхъ и шерстяныхъ издѣлій **Товарищ. „Оборотъ“.** 522

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ. УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ.

Мои коллекціи елочныхъ украшеній въ настоящее время уже составлены и особенно выдаются своимъ изяществомъ. Не перечисляя предметовъ, помѣщенныхъ въ коллекціяхъ, такъ какъ добросовѣстное мое отношеніе къ почтеннымъ гг. покупателямъ достаточно извѣстно, имѣю честь сообщить, что цѣны назначены, какъ и въ предыдущихъ годахъ: 544

2 р. 95 к., 5 р., 10 р. до 100 р.

Вслѣдствіе просьбы моихъ заказчиковъ я изготовилъ въ этомъ году еще коллекцію

въ 2 р. 95 к. съ 205 вещами

и тутъ вложено рѣшительно все для украшенія небольшой елки. Эта коллекція въ **2 р. 95 к.** рѣшительно внѣ всякой конкурренціи по полнотѣ, изяществу и дешевизнѣ. Высыл. нал. платежомъ С.-Петербургъ, **Базаръ Марокъ,** Невскій 20, кв. 9.

САМОКРАСЯЩІЯ гребенки ФОРЪ красятъ волоса въ любой несмываемый натуральный цвѣтъ, послѣ чего ихъ можно гофрировать завивать и проч. **Гребень совершенно безвреденъ.** 578

Перес. налож. платеж. Шт. 2 р. 50 к.
БАЗАРЪ МАРОКЪ
СПБ., Невскій, 20—49.

СОДЕРЖАНІЕ № 46-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“:** **Ершъ и Пыжъ.** Повѣсть кн. М. Н. Волконскаго. (Прод.) — **Жизнь.** Стих. И. К. Коробова. — **Табакерка.** Разсказъ Ив. Епифанова. — **Изъ письма.** Стих. Е. И. Богославскаго. — **Нижегородскій съѣздъ старообрядцевъ.** (Очеркъ съ 6 рис.)—**Сломанная береза.** Стих. Ольги Р.—**Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.—РИСУНКИ:** Среди цвѣтовъ. Съ карт. Стефано Ново.—Въ трудную пору. Съ карт. Г. Краузе.—Спасеніе погибающихъ. Съ карт. А. Моранъ.—Кабаны на волѣ. Съ карт. Г. Ф. Ретигъ. — Наполеонъ послѣ битвы при Ватерлоо. Съ картины Г. Блейбтрей. — Къ всероссійскому съѣзду старообрядцевъ. (6 фотогр.) Н. Н. Ольшанскаго.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Ужасное преступленіе. Юмористическій разсказъ Яши Пасынкова. — Въ гостиной. (1 рис.) — Догналъ. (4 рис.)—Второпяхъ. Сценка изъ жизни Апулея.—Новость будущаго вѣка. (1 рис.)—Онъ вѣренъ. (1 рис.)—Магическій крестъ № 26.—Створчатая задача № 37.—Магическій крестъ № 27.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 44.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. А. Фаусекъ. (Съ портр.) — В. Я. Косяковъ. (Съ портр.) — Историческій краевой музей имени А. В. Поля. (Съ 1 рис.)—Бесѣда германскаго колоніальнаго губернатора съ вождями герреро. (Съ 1 рис.)—Замѣчательное дерево. (Съ 1 рис.)—Новая германская пушка. (Съ 1 рис.)—Ѳ. Ѳ. Грязновъ. (Съ портр.)—Госпитали въ Мукденѣ. (Съ 2 рис.)—Памятникъ королевѣ Викторіи въ Лондонѣ. (Съ 1 рис.)—Постройка моста на рѣкѣ Замбези въ Африкѣ. (Съ 1 рис.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:
изъ **36** столбцовъ журнала, **12** столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, **12** столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и **24** столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Общеполезная библіотека „Родины“ 1905 г. Книга 10-я. „МЕТЕОРОЛОГІЯ“. (Съ 31-ой иллюстр.)

Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал редуктор rutracker.org